

АНДРЕЙ СМИРНОВ

Болезни Белокамня

Андрей Смирнов

Болезни Белокамня

«Издательские решения»

Смирнов А.

Болезни Белокамня / А. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857642-3

Что может быть хуже самой эпидемии чумы? Сопутствующая паника, хаос и мародёрства? А, может, чудовищные меры борьбы с заражёнными в зоне карантина в виде убийств и сожжений? Нет, хуже этого только прогрессивные методы утилизации мёртвого материала, который воскрешают, чтобы заразные трупы сами могли переместиться к месту своего последнего упокоения. Вот только что будет, если мертвецам отдадут не команду на самоуничтожение, а на убийство тех, кто ещё борется за свои жизни в зоне карантина?

ISBN 978-5-44-857642-3

© Смирнов А.

© Издательские решения

Содержание

Болезни Белокамня	6
Глава 1	9
Глава 2	35
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Болезни Белокамня

Андрей Смирнов

© Андрей Смирнов, 2017

ISBN 978-5-4485-7642-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда в городе вспыхивает эпидемия чумы, правительство готово идти на любые меры, чтобы предотвратить распространение заразы. Перегородить и оцепить поражённые районы, отправить туда докторов, гуманитарную помощь, а если потребуется – то и солдат с магами, чтобы пресечь беспорядки и недовольства граждан. Но что делать, если эти меры бесполезны, а угроза заражения сохраняется? Правильно, устроить локальный зомби-апокалипсис, чтобы умершие от чумы сами встали и полезли в костры. Главное при этом, не попасться в зубы кадаврам, пересидев смутное время в надёжном убежище. Но если уж вас угораздило очутиться на улице – беги, мясо, беги!

Смирнов Андрей Викторович.

Посвящаю эту книгу своей хорошей знакомой Белогривке Нэт – Якубе Наталье)))

Болезни Белокамня

Ущербная луна была скрыта на ночном небе мрачными грозовыми облаками, а посему света не было никакого. Густая тьма для трущоб Белокамня, именуемых в народе Дырой, была явлением привычным и обыденным, благо фонари тут имелись далеко не у всех, а зажигались и того реже, чтобы не тратить драгоценного масла. Да и бродить по ночам на улицах было смерти подобно, ибо обычным гражданам не место за порогом дома в столь поздний и опасный час. Мало того, что темнота была такой, что хоть глаз выколи, так ещё и вся разбитая дорога была в глубоких лужах. Тоже вполне обыденное и заурядное явление для Дыры, где некому заботиться о качестве мостовых и мостить дороги, а посему они пребывали в таком плачевном состоянии.

Вот рядом с лужей шлёпают босые ступни, украшенные грязью и тусклыми обломанными неопрятными ногтями, что тоже легко объяснить бедностью и гигиенической неграмотностью населения неблагополучного района. Ноги эти заплетаются и подволакиваются, словно их хозяин пьян (вполне обычное состояние для местной нищеты), а потом и вовсе начинают громко шлёпать по луже, что можно, вероятно, объяснить невменяемостью пешехода и темнотой окружающей обстановки. Вот влезший в воду человек начинает хрипеть и стонать, вероятно выражая своё негодование, и, стоит отметить, что для чересчур пьяного человека подобный способ изъясняться с окружающими и самим собой весьма уместен, ибо сейчас он точно не в состоянии членораздельно говорить. Обыватель шатается, а посему поскальзывается, но ему удаётся вовремя упереться о стену ближайшего здания рукой, и сохранить равновесие, не отправившись в задорный заплыв. На том месте на досках, куда только что легла его пятерня, остаётся грязный влажный отпечаток ладони, который указывает на то, что её хозяин тот ещё свин, раз у него даже руки перепачканы неизвестно чем.

На мгновение из-за туч показывается бледная луна, высветившая грязную подворотню и барахтавшегося посреди лужи крестьянина, который поднимает своё лицо к небу. Однако лицом это кровавое месиво назвать сложно, и, похоже, что бедный пьянчуга совсем недавно схлопотал по зубам, и, уверяю вас, в городских трущобах словить леща по щам – раз плюнуть. И оставленный им отпечаток на стене дома также тёмно-красного цвета, вот только чья это кровь – раненого бедолаги или чужая, сейчас уже не понять. Местным бандитам может не понравиться в вас абсолютно всё – как вы идёте, как вы дышите или говорите и свистите. Любой косой взгляд, небрежная ухмылка на лице, ваша одежда или обувь, которая может вызывать зависть, ваш груз, который вы можете нести при себе. В общем, причиной нападения может стать абсолютно всё, что угодно! Грязные руки крестьянина скребут обломанными ногтями по земле, чтобы найти опору, и в тусклом лунном свете становится видно, что не только ногти выглядят на грязных конечностях ужасно, но ещё и имеются некие язвы и нарывы, обозначающие плохое здоровье страдальца. Что ж, и это тоже не новость в Дыре, поскольку там, где бедность, там и всевозможные болезни с болячками, коих в трущобах больше, нежели блох на шкуре бродячего пса.

Вот бедолаге наконец-то удаётся найти опору и подняться на ноги из лужи, и он поворачивается в сторону ближайшей подворотни, откуда слышится негромкий шорох – это на сцене появляется очередное действующее лицо в виде крепкого мужика, возвращающегося домой посреди ночи. Вероятно, этот работяга вкалывал до захода солнца или даже и дольше, чтобы заработать на пару грошей побольше для прокорма своих родных, и теперь он мечтает только об одном – поскорее добраться до постели, чтобы в забытии рухнуть на койку и забыться беспокойным сном. Будь это бандит, он бы уже попросту набросился на бедного пьяницу, огрев его по затылку дубиной или всадив ему в пузо нож, но это человек старательно обходит грязного бродягу стороной, стараясь держаться от него подальше. Тот же издаёт горлом странный

булькающе-хрипящий звук, протягивая свои руки с гнойниками на них в сторону спешившего по своим делам мужчины.

– Извини, приятель! – пожимает плечами работяга, отходя на шаг назад. – У меня нет при себе лишних монет! А те жалкие крохи, что у меня в наличии, нужны мне самому и моим голодным деткам. Прощай!

Он старается обогнуть лужу со стоящим посреди неё странным человеком, желая держаться от него подальше, дабы не подцепить какой-нибудь болячки. Однако подобное пренебрежение к собственной персоне явно приходится не по душе заразному пьянчуге, который с рычанием бросается вперёд, намереваясь атаковать припозднившегося прохожего, вероятно решив вытряхнуть из него необходимые для опохмела монеты силой. Подобным в Дыре тоже никого не удивишь, ибо драки тут вспыхивают чаще, нежели огни на той стороне реки по вечерам, где живут состоятельные горожане.

– Ах ты паскуда! – кричит мужчина, успев перехватить нападавшего за запястья, и теперь сражаясь с ним.

Больной урод старается укусить напуганного соперника, щёлкая своими гнилыми зубами перед носом своей жертвы. Вблизи становится видно, что лицо поганца покрыто не только подсыхающей кровью, но и распухло от вздувшихся на нём пузырей и язв, что пугает бедного работягу ещё сильнее. Изловчившись, ему удаётся отпихнуть от себя больного уroda прочь, отчего тот падает обратно в лужу, и, к собственному ужасу, победителю становится видно, что в спине пьяницы торчит рукоятка ножа, застрявшего лезвием между его рёбер. Кроме того становятся видны также и чудовищные резаные раны в районе поясницы заражённого уroda, которые не только выглядят пугающе, но и вполне смертельно. Подобными ужасами кого-то удивить в Дыре уже невозможно, ибо убитые разнообразными способами жертвы грабежей и просрочившие очередную выплату должники встречаются на тёмных улочках повсеместно, как и поражённые различными проказами и прочими болячками заражённые. Однако сочетания чудовищных ран и болезней встречаются не так уж и часто, а тем более в такой мерзопакостной комбинации. Рыха страдальца раздута вовсе не из-за побоев, как могло показаться изначально из-за крови, покрывающей его физиономию, но из-за мерзких набухших волдырей и общей отёчности, отчего он становится мало похож на человека. Да и не человек это уже в привычном смысле этого слова, ибо с подобными ранами, какие есть на теле этого бедолаги, выжить попросту нереально – перенести столько ножевых ранений, сколько имеется на пояснице и спине этого уroda, не сможет безнаказанно даже самый крепкий и стойкий организм. Однако крестьянин до сих пор шевелится, рычит, и снова бросается в атаку, но теперь работяга, и раньше не горевший желанием задерживаться в этом переулке и сражаться с неведомой тварью, шустро припускает с места в карьер, намереваясь как можно скорее убежать отсюда прочь. К сожалению, прокажённый урод-зомби успевает вцепиться своей грабкой за шиворот грязной рубахи своей жертвы, дёрнув человека на себя. Ткань трещит, разрываясь на части, поскольку мужчине вовсе не хочется знакомиться с зубами и кулаками нападавшего вблизи, и вот уже рабочий оказывается принудительно раздет, когда его одежонка лопается на два больших куска, а потом нападавшему всё же удаётся повалить свою жертву наземь, после чего двое мужчин катятся по ней, пачкаясь в грязной луже и разнообразном мусоре с отходами. И если пострадавший хочет попросту сбросить с себя монстра и убраться отсюда прочь, то вот заражённая неведомой хворью тварь явно желает уничтожить своего соперника, поскольку только смерть успокоит это чудище.

Душить зомби оказывается бесполезным трудом, как и пытаться бить ему по лицу, глазам, паху и прочим уязвимым местам, ибо все эти атаки не приносят должного эффекта, только наоборот вредят, ибо при подобной защите пара волдырей на окровавленной рыхе оказываются раздавлены, и гной из них брызжет вниз, пачкая руки человеку и марая его лицо, отчего он начинает в панике отплёвываться, после чего переходит на хрип – это упырю удалось сомкнуть

свои ладони на шее врага. Теперь зомби начинает душить свою жертву, попутно при этом стараясь укунить её за шею или лицо, отчего теряющему сознание мужчине под соперником приходится очень и очень туго. Во-первых, он должен стараться сбросить с себя прокажённого, но тот сидит на работяге и возвышается над ним настоящим монолитом. Во-вторых, нужно не дать себя задушить, а ещё и при этом нужно уворачиваться от укусов твари, поскольку подставлять ему своё лицо чревато не просто обычной раной, но и заражением, ведь с одутловатой ряхи вниз по-прежнему капает чужая кровь и гной самого мертвеца. Уже на последнем издыхании, на грани потери сознания, мозг мужчины вспоминает об увиденной ранее ране и торчавшей из неё рукояти ножа, и левая рука работяги сама собой заходит упырю за спину, в тщетных попытках нащупать это оружие. Поскольку теперь сопротивление стало сходить на нет, мертвецу удаётся ударить человека затылком об землю, отчего тот едва не отключается от боли, а во все стороны брызгают капли потревоженной лужи, ибо сражаются соперники по-прежнему именно посреди воды.

– Неужели это конец?! – мелькает последняя паническая мысль в голове мужчины, шарившего своими руками по телу зомби. – И мне суждено умереть посреди грязной вонючей подворотни от лап и зубов какого-то упыря, не успев перед этим попрощаться со своими родными?! Какой кошмар!

Однако следом за этим натиск врага начинает ослабевать, в глазах работяги начинает проясняться, и он закашливается, когда в горевшие адским огнём лёгкие наконец-то начинают поступать новые порции воздуха. Жадно втягивая в себя гнилостный смрад переулка ртом и ноздрями, мужчине удаётся спихнуть с себя внезапно обмякшего соперника, в ухе которого красуется лезвие ножа, по которому одна за другой стекают красные тягучие капли. Всё же человеку удалось из последних сил добраться до ножа в спине твари, вырвать его и от души зарядить по голове, и этот удар оказался смертельным. Хотя умерло ли это существо, которое и доселе казалось не особо живым? Так или иначе, после подобного удара оно уже не шевелилось, и не предпринимало никаких попыток снова напасть на соперника.

Брезгливо отпихнув от себя ногой неподвижное тело, мужчина поднялся из лужи, утирая лицо тыльной стороной своей руки, после чего быстро направился прочь в ночные трущобы города, с тем, чтобы поскорее добраться до дома, а затем и разнести заразу на всех встречаемых и родных. Нет, конечно, он не хотел подобной участи для себя или своих детей и жены, однако судьба распорядилась иначе. Не успел он ещё исчезнуть во тьме стгутившейся ночи, как тело больного мерзавца начало биться в судорогах на земле, отрывивая новые порции крови и гноя, и на этот раз вокруг оказалось несколько свидетелей из числа мародёров, решивших обобрать свежий труп, пока этого не сделал кто-то ещё. Естественно, что при виде картины проткнутой головы, из уха которой торчал нож, погруженный туда по самую рукоятку, но что не мешало бедолаге биться в припадке, напугало несостоявшихся грабителей до чёртиков, отчего они с воплями поспешили прочь. В эти тёмные смутные дни беднота Белокамня увидит столько ужасов и познает столько страданий, что впоследствии это время будет прозвано «Годом Чёрного Мора».

Глава 1

– Эй, Нэт! – позвал девушку лопоухий паренёк, желая остановить свою решительную подругу. – Ты куда?

– На пристань, Эф! – рассмеялась та звонким мелодичным голоском, который так нравился юноше. – Увидимся завтра!

– Снова отправишься к контрабандистам?! – нахмурился парень, который вовсе не желал того, чтобы его возлюбленная отиралась в опасном месте в компании таких же людей.

– А тебе какая разница? – улыбнулась Нэт, которая всё прекрасно понимала.

Девушка уже была давным-давно в той поре, когда простолюдины играли свадьбы и начинали рожать детишек, пусть ей и было только восемнадцать лет, а посему ей уже просто необходимо было определяться с парой на свою жизнь. Нэтали прекрасно знала, что Эфраим, лопоухий мальчонка, на год младше её, тайно влюблён в неё и души не чает в прекрасной соседке, однако девушка не воспринимала его в качестве ухажёра. Ну какой из него жених, скажите на милость? Лопухий, кривоzubый, да ещё и неумёха, вдобавок. Ну и что, что Нэт и Эф росли вместе с младых ногтей, поскольку были соседями по Вшивому переулку, который располагался в Дыре – в трущобах огромного города, именуемого Белокамень? Что с того? Да, они росли вместе, дружили, делились между собой детскими секретами, вместе озоровали и проказничали, помогали друг другу и даже покрывали товарища при необходимости перед строгими родителями, но вот никаких любовных чувств у Нэт её нескладный сосед не вызывал. Вообще. Кроме того, особой красотой паренёк не блистал, в отличие от девушки, как и перспективами карьерного роста. Родители Эфа трудились разнорабочими с рассвета и до заката где придётся и кем придётся, а посему пристроить своего сына они никуда не могли. Эфраим был самым старшим в своей многочисленной семье, и ему уже приходилось трудиться наравне со взрослыми, чтобы помочь прокормить всех своих братьев и сестёр, в то время как Нэт со своей матерью жили вдвоём, при этом не особо бедствуя, благодаря таинственным заработкам женщины.

Злые языки утверждали, что та работает в борделе под названием «Смачные прелести», что располагались в тех же трущобах, и посему может приносить домой более или менее существенные суммы денег, нежели чернорабочие. Впрочем, особо гадкие люди утверждали, что помимо денег Санса (так звали маму Нэтали) тащит с собой домой не только заработки, но и разнообразные срамные болячки, а также два или три раза принесла и в подоле, результатом чего стало появление Нэт на свет, а также двух её младших братьев, которым суждено было оказаться волею судеб мертворождёнными. Про отца женщина никогда своей дочери ничего не рассказывала, наотрез отказываясь распространяться на эту тему, что лишь ещё пуще подхлёстывало злопыхателей, кои всегда утверждали, что Нэт стала плодом продажной бордельной любви, а посему мать и правда не знала, от кого могла понести.

Слухи слухами, но озорным друзьям удалось в своё время проследить, куда уходит Санса, и это не составило больших трудов, поскольку та и не скрывалась особо, а посему девушка очень огорчилась, когда получила подтверждение уличным слухам. Её мать и правда каждый вечер отправлялась в сторону «Смачных прелестей», возвращаясь только под утро в очень помятом состоянии, и это огорчало Нэт сверх всякой меры. Зато она всегда была сыта, и одевалась весьма неплохо, в отличие от её друга и товарища Эфраима, donaшивающего обноски за своим более старшим дядей, жившим неподалёку. Многие прочили, что вскоре угасающая красотой Санса покинет бордель, а посему её место будет суждено занять её дочери, чтобы их скромная семья из двух человек могла достойно существовать и впредь. Естественно, что подобная участь ужасала не только саму Нэт, но и её влюблённого друга, который в девушке души не чаял. Злопыхатели же ждали появления девицы в «Смачных прелестях» с трепе-

том и содроганием, ибо тогда можно будет не только продолжать злословить о благополучном на вид семействе дальше, но и лично познать Нэтали, разделив с ней ложе за монеты, ибо, как уже упоминалось ранее, девушка выросла настоящей красавицей.

В ней было хорошо абсолютно всё – и смазливая мордашка, и фигура, и светлые выющиеся волосы в сочетании с белоснежной кожей, которые в южном Белокамне, полном загорелых или откровенно чернокожих жгучих брюнетов и шатенов, были настоящей редкостью, и встречались, в основном, у заезжих гостей или рабов с Севера или Запада. В общем, не девушка, а мечта! Но, что ещё хуже для различного рода сплетников, Нэт совсем не походила на свою мать, поскольку та была намного темнее своей дочери как кожей, так и волосами, разительно отличаясь также и чертами лица, кои, похоже, девушка унаследовала от своего неизвестного отца-иностранца, решившего на досуге заскочить в местный бордель.

Обладая подобной красотой девушкам Дыры приходилось либо безвылазно сидеть дома, справедливо спасаясь таким образом от возможных посягательств на свою честь, либо учиться защищать себя или маскировать свою красоту подобающим образом, чтобы обитавшие в трущобах отморозки не покусились на лёгкую сладкую добычу. Нэт пошла по второму пути, и теперь на счету девушки было два ножевых ранения, которыми она наградила излишне любвеобильных ухажёров, а также с полдюжины отбитых бубенцов и повреждённых гортаней. Драться в Дыре и постоять за себя учили едва ли не с самого детства, а посему не стала упускать возможности поучиться навыкам боя и наша блондинка, которую в народе уже прозвали Белогривкой и запомнили, что с ней дел лучше не иметь. Кроме того, девушку опасались тревожить также и из того расчёта, что её матерью была сама Санса Скрытная, которая была вхожа к Вдовам из борделя «Смачные прелести». Многие опасались, что женщина эта не только работает, торгуя своим телом, но и промышляя грабежами в составе банды взбалмошных баб, которым дорогу переходить было смертельно опасно. Косвенное подтверждение этим слухам Нэт получила ещё в детстве, когда её мать научила драться ножами, дубиной и голыми руками, а также являлась иногда посреди ночи с очередной кровоточившей раной на своём теле. Один из таких ударов стал причиной выкидыша, и с тех пор Санса была бесплодна, о чём сильно горевала и сокрушалась целыми днями, но радовалась этому ночами, когда понимала, что не станет в очередной раз матерью неизвестно от кого. Теперь же Нэтали уже не сомневалась в том, кем работает её мать, ибо знала это наверняка. Санса и правда была не только уличной девкой, но и настоящей разбойницей, чьё мнение было не последним на преступном совете Вдов, а посему трогать её или её дочь, и открыто злословить о них, мог только сумасшедший, кому не слишком мила его жизнь. В этом все обыватели трущоб были уверены также сильно, как и в том, что по вечерам солнце садится за горизонт, а по утрам восходит. Кто смел переходить дорогу Вдовам, тех, как правило, находили позже по частям. Сплетникам безжалостно вырезались языки, соглядатаям – уши, а также выкалывались глаза и рвались ноздри, должникам в лучшем случае ломали и отрезали пальцы, а в худшем – топили в реке. Насильников же Вдовы ненавидели больше прочих, и таковых обычно обнаруживали после совершённого ими злодеяния в оскотлённом состоянии, а также с переломанными конечностями. Зная об этом, семье Нэт и Сансы никто не смел угрожать или осмеивать открыто, а посему за свою безопасность девушка обычно не переживала. Не сумеет отбиться сама – позже негодяя накажет матушка и её подруги.

Однако для влюблённого Эфраима подобный довод звучал не очень убедительно, ибо он действительно переживал за свою даму сердца, не спешившую разделить с ним его чувство. Да, Нэт была благодарна своему соседу, за то, что тот не чурался её и не злословил за спиной, как все прочие, но кроме чувства товарищества ничего к нему не испытывала. Как там говорят, что противоположности притягиваются? Ничего подобного! Вместо того чтобы выбрать себе работающего парня, девушке нравился другой, более интересный молодой человек. Настоящий плохиш, уверенный в себе, сильный, ловкий, и очень красивый. Этого счастливчика

звали Дюмон, ему было двадцать лет, и он уже прослыл самым настоящим бандитом трущоб, состоящим в крупном клане Топоров, коим подконтрольны были также и приснопамятные Вдовы, где отличилась Санса Скрытная. Молодой повеса пошёл по стопам своего отца-контрабандиста, также начав участвовать в незаконных перевозках и хранении запрещённых товаров и людей, при помощи речных перевозок на небольших шлюпках и яликах, умело минуя кордоны стражи и заслоны конкурентов. Дюмон был настоящим хищником, ибо на его счету уже было несколько трупов и один шрам на лице, который нисколько не умалял красоты этого чернявого паренька, а наоборот придавал ему дополнительного шарма. Яблоко от яблони, как говорится... И если Дюмон пошёл по стопам своего отца, то Нэтали только ещё собиралась ступить на скользкую тропу криминала. Санса до сих пор щадила свою дочь, не желая ей своей участи, однако девушка уже всё решила, требуя от родительницы помочь ей вступить в отряд Вдов, на что та всегда отвечала уклончиво.

– Зачем это тебе, моя милая?! – грустно улыбалась в такие моменты мать, расчёсывая дочери её белоснежные локоны.

– Я не хочу прозябать в нищете, подобно Эфраиму и его семье, – всегда отвечала одно и то же девушка. – Не хочу бояться каждого шороха, каждого бандита и каждого злопыхателя. Не хочу знать голода и нужды.

– Но ведь всего этого можно добиться и иным путём, нежели насилием или торгуя своим телом! – вздыхала Санса.

– А я и не хочу торговать собой, мама!

– Вдовы не берут тех, кто отказывается от подобной работы, – горько усмехалась женщина. – Они ожидают от своих подопечных того, что те всегда готовы пойти на любые жертвы и принимать крайние меры. Умение грамотно торговать своим телом ценится ими пуще всего прочего, ибо банда очень часто действует путём соблазнений или откупается подобным образом от поступающих претензий. Так что моя милая Белогривка, давай лучше подумаем над тем, куда мы сможем тебя пристроить, чтобы ты зарабатывала честным трудом, а не так, как твоя пропадающая мать!

Однако время шло, никаких альтернатив предложено и озвучено до сих пор не было, а посему девушка готовилась к своему боевому крещению, каждый раз с замиранием сердца провожая мать вечером на службу, надеясь и одновременно опасаясь того, что та скажет ей собираться и поведёт её в бордель на смотрины. Каждый раз этого не происходило, а посему после ухода Сансы Нэтали каждый раз приходилось волноваться из-за того, что её мать может не вернуться домой, оставшись где-нибудь на узких грязных улочках Дыры истекать кровью с ножом в животе, как уже бывало не раз и не два. Правда раньше, женщина находила в себе силы подняться на ноги и доковылять до дома или борделя, где её выхаживали и ставили обратно в строй, но ведь здоровье у неё уже не то, что раньше. Каждый раз может стать последним. И этого Нэтали боялась пуще собственной смерти, ибо никого ближе матери у девушки не было.

Тряхнув головой, Белогривка отогнала прочь свои сомнения, глядя на стоявшего рядом с ней Эфраима, чей взор тёплых карих глаз лучился собачьей преданностью и надеждой.

– Может, ты не пойдёшь сегодня на пристань? – спросил он у своей возлюбленной. – Я хотел тебя позвать кое-куда, если ты не возражаешь.

– Куда? – полюбопытствовала девушка, хотя уже была уверена в том, что откажет своему товарищу, который не мог сравниться с Дюмоном.

– Секрет! – усмехнулся Эфраим.

– Уж не на свидание ли ты меня хочешь позвать? – улыбнулась Нэтали, наблюдая за тем, как быстро краснеет лицо её несостоявшегося ухажёра, выдавая его с головой. – Неужели это так?!

– Э-э-э, – замялся юноша. – Почти! Я хотел пригласить тебя на выступление уличного балагана. Они в Ремесленном Квартале сейчас остановились, выступают там по вечерам. Это, конечно, не цирковое городище в центре, но тоже есть на что посмотреть. Вот, я уже и билеты на сегодняшнее выступление приобрёл.

С этими словами он показал девушке два замусоленных бумажных огрызка, которые были настолько жалкими, что с успехом могли соперничать со скромными потугами Эфраима по соблазнению своей соседки.

– Всё это очень мило, Эф, но ты же знаешь, что мы с тобой всего лишь друзья! – вздохнула Нэтали. – Ты мне нравишься, правда, но подумай, что скажут твои родители, когда узнают, что ты связался с такой беспутной девкой, как я? Ты же сам знаешь, что в народе судачат про меня и мою мать. Хочешь, чтобы подобные сплетни пошли про тебя и твою семью?

– Мне всё равно! – тряхнул своими грязными патлами Эф. – Мне всё равно, что обо мне подумают! Ты мне нравишься и я хочу...

– Эфраим, домой! – раздался громогласный клич из его домишки. – Помоги мне покормить Бруно и Стефана, а потом будешь ужинать сам!

– Я... я... Иду, мам! – крикнул, обернувшись назад, юноша, после чего горячо прошептал Белогривке. – Я быстро! Как только покормлю малых, так сразу к тебе и вернусь! А потом мы сможем отправиться на выступление! Ну, что скажешь?!

– Я не смогу! – вздохнула девушка. – Отдай эти два билета своим родителям, и отпусти их туда отдохнуть от забот, а сам останься дома с детьми.

– Может, ты тогда пришла бы ко мне в гости и помогла мне с братьями и сёстрами?

– Ну не знаю, – пожала плечами Нэтали, которой уже не терпелось ускользнуть от друга, чтобы отправиться на настоящее свидание с ненаглядным Дюмоном.

– Всё-таки пирс! – нахмурился проницательный Эфраим. – Этот контрабандист не достоин тебя!

– А вот это уже мне решать! – пришёл черёд хмуриться и Белогривке. – Кто меня достоин, а кто нет!

– Этот пройдоха подведёт тебя под арест, попомни мои слова! – сжал в кулаке билетки молодой человек. – Ты сама прекрасно знаешь, как бандиты относятся к своим...

– Не называй его так! – вскинулась Нэтали. – Он не бандит!

– А кто же он тогда?! Контрабандист, который стоит вне закона! Не лучшая партия для тебя!

– Ну, знаешь! – всплеснула руками девушка, разворачиваясь, чтобы уходить. – Это уже чересчур, даже для тебя!

– Я всего лишь желаю тебе добра! – крикнул вдогонку её Эфраим. – Нэт, прости меня! Не уходи!

Однако та уже свернула за угол, намереваясь добраться до пирса затемно, чтобы не пришлось туда идти впотьмах. С одной стороны настроение было безвозвратно испорчено размолвкой с другом, который постоянно стремился изменить этот статус на более интимный, но с другой сердце девушки трепетало от осознания того факта, что скоро она встретится со своим ненаглядным Дюмоном. По крайней мере, девушка на это рассчитывала, ибо место встречи не было оговорено заранее, но насколько она знала своего парня, тот большую часть своего свободного времени проводил именно там, без устали латая свой старый разбитый ялик, на котором его старик постоянно провозил наркотики в город.

– Если на пристани в правобережных доках я не обнаружу Дюмона, тогда вернусь обратно и загляну к Эфраиму, – решила для себя Белогривка. – То-то паренёк обрадуется, если это произойдёт! Знатно он в меня влюбился, это факт!

Однако если тебе не повезло однажды, то не повезёт и дважды, потом и трижды, и лишь потом иди ж ты... примерно так всегда говаривал отец Эфраима, и в чём-то был прав. Как

и в своём нежелании отпускать на прогулки сына с этой беловолосой девицей, кою все в народе считали чужой, и чурались её при встречах. Ну что могло хорошего выйти из подобных встреч, когда шепотной мамашке Нэтали вздумается прирезать бедного паренька за заигрывания с её ненаглядной дочуркой, с которой женщина едва ли не пылинки сдувала? Зачем позволять своему первенцу связываться с откровенно криминальной семьёй, чтобы покрывать таким образом позором не только его самого, но и прочую родню? Лучше жить впроголодь, но спокойно, чем сыто, но с ножевыми ранениями, как Санса, кою уже несколько раз пытались умертвить на её «работе»!

Добралась до знакомого места девушка очень быстро, ибо отлично знала все переулки и тропки, благодаря которым можно было срезать путь. Лишь в одном месте ей пришлось свернуть прочь, чтобы не приближаться к трём грабителям столь скудоумного вида, с которых стало бы наброситься на девушку вопреки её репутации в трущобах. В остальном же путь её ничем не омрачился, и вскоре она выбралась к пирсу правобережных Доков, наблюдая за тем, как её ненаглядный Дюмон общается с больших размеров водяным троллем, стоявшим по пояс в реке. Парень перебросил твари увесистый свёрток, в котором, вероятно, содержалось нечто запретное, и это нечто называлось чёрный лотос. Нэтали была уверена в этом на все сто процентов, ибо знала данного тролля, которого все величали не иначе как Помойка. Гигант промышлял продажей наркотиков местному населению, а контрабандист снабжал его этим зельем, и посему их союз был вполне понятен и взаимовыгоден.

Получив свой товар, иссиня-зелёный тролль кивнул, после чего занырнул в реку, оставив Дюмона в одиночестве, но скучать ему не приходилось, ибо в его руках задорно звенел кошелек с монетами, а к нему самому уже приближалась девушка.

– А, любимая! – обрадовался появлению Белогривки пройдоха. – Здравствуй! Рад тебя видеть!

– И я рада! – кивнула та, прильнув к парню. – Ты свободен?!

– Именно! – улыбнулся Дюмон. – Скучала по мне?

– Естественно! Куда ты запропастился?!

– Ну, дай подумать! – дурашливо наморщил лоб парень, якобы вспоминая, что с ним приключилось за последнее время. – Я тут вверх по течению нашёл небольшую пойму на одном из притоков Полноводной, так там такие нимы и русалки плещутся, что... Эй, за что?!

– Это тебе за русалок! – пихнула вряля кулаком в бок Нэтали. – А это тебе за нимф!

– Ревнуешь, что ли?! – усмехнулся довольный произведённым эффектом Дюмон. – Да ладно тебе, не сердись!

– Так куда ты запропал почти на седмицу?! – уставилась на своего возлюбленного девушка.

– Работал, – ответил тот. – Выбирался с напарником вверх по течению, добирались до Чернотопья на лошадях, обратно на ялике, стандартная схема. Запаслись лотосом под завязку, вот только последнюю часть Помойке сбыл.

– Кстати, – встрепелась Нэт. – А почему тролля зовут Помойкой?

– А он свои запасы прячет в вонючих местах, – охотно пояснил контрабандист. – Там, где стража рыться брезгует. На это все покупатели зелья жалуются на нестерпимую вонь от свёртков, на что тролль и предлагает им их помыть. Помой-ка, да все запахи и отобьёт. Примерно так он говорит своим покупателям, за что и заработал подобное прозвище. Ну да что мы об этом наркоторговце говорим?! Давай лучше убежим куда-нибудь ото всех, и побудем наедине?

– Давай! – охотно согласилась девушка. – А куда мы пойдём?!

– Да тут недалеко! – хихикнул Дюмон, доставая из-под ворота своей рубахи ключ, висевший там на верёвочке. – Прямоком за твоей спиной!

Нэтали обернулась, после чего сразу же нахмурилась.

– Ты предлагаешь мне пойти с тобой туда?!

– А почему нет?! – усмехнулся парень, начиная колдовать своим ключом возле большого навесного замка закрытого на ночь лодочного амбара. – Внутри тепло, сухо и довольно просторно! Кроме того, у меня при себе кое-что есть, погляди!

С этими словами Дюмон нагнулся к своему мешку, показывая своей девушке его содержимое. А там обнаружилось вино, початый сыр, хлеб, фрукты и даже немного вяленой рыбы, которыми контрабандист обычно питался в походах.

– На двоих хватит! – улыбнулся он. – Ну так что, пошли?

– Идём! – кивнула ему Нэтали, чувствуя подступающую к телу приятную истому.

– Вот эт по нашему! – кивнул Дюмон, открывая амбар. – Милости прошу!

Если бы в подобное место девушке предложил заглянуть кто-то иной, то она бы ни за что на свете туда не отправилась, но любовь, и особенно девичья и юношеская, дело такое тонкое, что не нам судить Белогривку и её парня. Прощмыгнув мышью вовнутрь амбара, Нэт насторожилась, глядя на своего молодого человека, который совсем не спешил заходить следом за ней, глядя куда-то в сторону.

– Что такое?! – насторожилась девушка.

– Сюда движется какой-то человек, и, кажется, я его знаю! – ответил ей Дюмон, всё ещё стоя в раскрытом дверном проёме.

– И что с того?! – поразились Нэтали. – Закрывай дверь и давай уже найдём внутри местечко поудобнее! – нахмурилась Нэтали, которая, как и все девушки, не любила, когда парни переставали обращать на неё внимание, отвлекаясь на что-то иное.

– Нет, погоди! – остановил её контрабандист. – Этот малый мой бывший пассажир, я его узнал по одежде и походке. Похоже, что он также узнал меня!

– И что?! – нахмурилась Белогривка. – Он тебе важнее меня?!

– Ты не понимаешь, любимая, – повернулся к ней улыбавшийся Дюмон. – Этот парень не просто щедр! Он оплатил мне своё незаконное проникновение в город втрое, и, чувствую, я мог бы вытянуть из него и ещё больше монет, если бы продолжил торги. Ощущение такое, что у него денег куры не клюют, и, возможно, он сейчас хочет меня попросить об очередной услуге!

– То есть тебе работа важнее меня?! – оскорбилась девушка.

– Нет, это значит, что вместо вот этого, – с этими словами парень достал из кармана серебряное ожерелье, протянув его Нэт. – Я смогу подарить тебе золотое, или отличный перстень!

Естественно, что при виде подарка сердце девушки оттаяло, и она с восторгом приняла дорогую вещь, сразу же поспешив примерить украшение, приложив его к своей шее. Единственное, о чём умолчал при этом Дюмон, было то, что упомянутый им щедрый пассажир оказался чертовски страшным и подозрительным малым, поскольку всю дорогу он только и делал, что кашлял да чесался. Пару раз в тусклом лунном свете были видны руки неизвестного мужчины, когда тот решил почесать себе предплечья, на которых обнаружились набрякшие волдыри и язвы, от вида которых молодому человеку стало дурно, но он постарался не подавать вида, усиленно налегая на вёсла, чтобы поскорее доставить неизвестного в город и расстаться с ним, отправившись восвояси, опасаясь того, что этот незнакомец может оказаться заразным. Да, заплатил он тогда огромную сумму по меркам самого контрабандиста, желая скрытно попасть в город, но кто знает, чего он захочет теперь? Может, выбраться из него или перебраться на другую сторону реки? Что ж, если у больного засранца окажутся при себе монеты, Дюмон был не прочь рискнуть во второй раз.

– Перевези меня на другую сторону! – прохрипел незнакомец, едва только он приблизился к амбару, у входа в который по-прежнему стоял контрабандист. – Плачу такую же сумму!

От столь щедрого предложения у Дюмона захватило дух, и он кивнул, даже не думая совещаться с Нэтали, которая в это время начинала дуться на своего парня за то, что мало

того, что он и так отсутствовал целую неделю, так и теперь бросает её. Пусть он делал это ради денег и ради подарка, но этот скот мог хотя бы сначала узнать её мнение?

– Хорошо, – кивнул ему Дюмон. – Я сейчас подойду к вам, только закрою дверь. Подождите меня немного на пирсе!

– Да, – прохрипел покачивающийся человек, кутавшийся в плащ. – Только поскорее!

– Я уже практически иду! – улыбнулся ему Дюмон, хотя парня просто бросало в пот от этого подозрительного субъекта.

Контрабандист повернулся к девушке, стоявшей поблизости от него, после чего тихим шёпотом сказал ей.

– Нэт, это тот самый шанс, которого я так долго ждал! Денег у этого парня, как я уже говорил, куры не клюют, и если я ему помогу во второй раз, то озолочусь! Давай встретимся с тобой завтра. С меня подарок, как я и обещал! Ладно?!

– Ладно! – нахмурилась девушка. – Только прошу тебя, будь осторожен!

– Я всегда осторожен! – улыбнулся ей в ответ Дюмон. – Ты же меня знаешь! Меня никто не сможет схватить или одолеть в бою. Ну, тогда до завтра?

– До завтра! – кивнула Нэт, выскальзывая из амбара и уклоняясь от поцелуя молодого человека.

– Увидимся! – шлёпнул её на прощание по мягкому месту Дюмон, после чего быстро закрыл дверь и навесил замок, направляясь к шатающейся неподалёку фигуре таинственного незнакомца.

Наблюдавшая за ним с опаской Нэт остановилась неподалёку, желая проследить за тем, куда направятся её возлюбленный и его пассажир, хотя, очевидно, они должны были для начала спустить один из яликов в воду, а уже потом отправляться в сторону далёкого противоположного берега богатой половины города, где обитали сливки общества, отделившиеся от черни рекой. Однако не успел ещё Дюмон сойти в шлюпку, привязанную на ночь у пирса, как топавший за ним пассажир неожиданно набрасывается на молодого человека, вероятно решив напасть на него и уплыть на лодке, не заплатив.

Вскрикнувшая девушка уже летит по направлению к пирсу, где начали сражаться между собой контрабандист и его таинственный клиент, и даже в полумраке опустившийся на землю ночи видно, как неестественно и судорожно двигается фигура незнакомца, закутанного в чёрные одежды. Дюмон, само собой, попытался первым же делом стряхнуть с себя врага, сбросив его в воду, однако тот клещом цепляется за руки парня, отчего они оба едва не оказываются за бортом качавшейся шлюпки. Спешившая к месту драки Нэт уже извлекла из спрятанных в своих одеждах ножен небольшой добротный кинжал, подаренный ей матерью, но к этому моменту её возлюбленному уже удаётся побороть мерзавца, опрокинув его обратно на доски пирса. Блеснуло лезвие ножа в лунном свете, однако незнакомец не так прост, как кажется, ибо он начинает биться под оседлавшим его Дюмоном крупной судорогой, после чего изрыгает на него фонтан рвоты, окатив парня с головы до ног. Ошеломлённый контрабандист размахивает своим ножом, пытаясь ударить больного мерзавца, но сослепу втыкает лезвие не в лицо или грудь врага, а в доски причала, после чего оружие застревает в них. Однако оно больше и не требуется, как и помощь подбежавшей к месту схватки Белогривки, ибо незнакомец уже затих и не подаёт признаков жизни.

– Ты как, милый?! – спешит к Дюмону девушка.

– Не подходи ко мне! – кричит он на неё, махая рукой, жестами веля держаться ей подальше.

– Почему?! – удивляется та.

– Этот козёл был болен, и обрыгал меня! – поясняет утиравшийся Дюмон. – Он может быть заразен и опасен даже в мёртвом состоянии.

– Так что же нам делать?! – ужаснулась девушка.

– Тебе – ничего! – мотает головой контрабандист. – А вот мне нужно смыть с себя эту дрянь как можно скорее, но сперва...

Он выдирает из досок причала свой нож, после чего вспарывает одежду незнакомца, и с оханьем отпрыгивает прочь, поскольку всё тело таинственного мужчины покрыто различными уплотнениями, сыпью, и язвами, истекающими гноем, да и сама его кожа болезненных зеленовато-землистых оттенков, отчего он похож скорее на монстра, нежели на человека. Но это человек, и виной всем этим изменениям его болезнь, которая называется...

– Это чума, Нэт! – в ужасе пятится назад от трупа Дюмон, стирая со своего лица кровавую рвоту почившего больного. – Мне конец!

После чего с разбегу прыгает с причала в воду, оставив ошарашенную девушку стоять неподалёку от трупа, окатив и его, и саму Белогривку каскадом брызг, от которых та с ужасом шарахается в сторону, после чего бежит с причала в сторону дома, не разбирая дороги...

– Нужно дождаться матери и срочно бежать из города! – стучает себя пальцами по плечам обуреваемая ужасом Нэтали, ходя из угла в угол, меряя шагами свою спальню уже в сотый раз. – Нужно бежать из города, пока его не закрыли, пока нас тут всех не позакрывали! А что если я уже заражена?! Говорят, что болезнь эта жутка заразная, и многих, кто находился рядом с трупом потом может ждать смерть. А ведь я стояла всего в паре шагов от покойника! Как же быть?! Ведь если я заболела, то могу заразить прочих! А что же Дюмон?! Почему я не осталась на пирсе и не проследила за ним?! Он утонул или выплыл наружу, смыв с себя заразу?! Чёрт! Как же много вопросов, и ни одного ответа!

Девушка стукнула кулаком по стене ветхой лачуги, которая служила ей и маме домом. Много раз задавалась вопросом почему же их семья не переберётся хотя бы в Ремесленный Квартал, где могли позволить себе купить жильё побольше, просторнее и посolidнее, благо денег, заработанных мамой своим нечестным нелёгким трудом, на это хватало с лихвой. Да вот только не желала Санса перебираться из Вшивого переулка в иной район, ведь тогда бы добираться до борделя оказалось намного дольше и проблематичнее. Да и тот факт, что местные знали о том, кем являлась работница борделя, помогало поддерживать ей необходимую репутацию, которая в трущобах также могла сойти за отменное оружие. Задирать любую банду в Дыре занятие самоубийственное по своей сути, поскольку в таком случае вы рискуете не дожить до следующего утра, или проснуться уже глубоким инвалидом. В Ремесленном же районе о грозной Вдове и её дочери никто и знать не знал, а посему к ним могли начать приставать различные недоброжелатели, которые могли навредить Белогривке, ибо за себя Санса перестала переживать и волноваться уже очень и очень давно.

– Эфраим как знал, что мне не нужно было отпраиваться сегодня на пирс! – подумала в очередной раз Нэтали. – Ну кто мне мешал согласиться с его предложением и отпраиваться смотреть представление сегодня вечером, вместо того, чтобы шарахаться по причалу?! Хотя, с другой стороны, откуда я могла знать, что там произойдёт нечто подобное?! Может, отпраиваться прямиком в бордель и выдернуть оттуда маму, пока не стало слишком поздно?!

Однако когда она уже хотела было отпраиваться в сторону Смачных Прелестей, снаружи раздались испуганные вопли. Прильнув к окну, девушка осторожно выглянула на улицу, и всё лишь для того, чтобы увидеть, как у стены соседнего дома на земле в корчах бьётся какой-то мужчина с нездоровым цветом лица, при этом постоянно кашляя кровью, что и напугало немногочисленных прохожих, которые теперь спешно разбегались прочь, зажимая рты и носы руками. Сколько припадочных уже на своём коротком веку повидала Белогривка, было попросту не сосчитать, однако этот явно отличался от всех виденных ею ранее. Ну, во-первых, кровью до этого кашлял всего один человек, и тот оказался чумным. А во-вторых, многие виденные ею раньше люди также страдали от различных болячек, но при этом таких жестоких судорог не выдавали, и не вызывали тем самым такой паники у невольных зрителей. А те уже

с воплями разбежались кто куда, поднимая панику и заставив всех жителей высыпать на улицы или прильнуть к окнам.

– Больше ждать нельзя! – решила для себя Белогривка, тряхнув своей головой, решительно направляясь к двери, не забыв перед этим взять с прикроватной тумбочки нож.

Однако не успела она отпереть засов, как вскрикнула от неожиданности, когда в её дверь постучали.

– Нэт, ты дома?! – раздался снаружи знакомый и до боли родной голос её соседа. – Это я, Эф!

– погоди, – ответила ему девушка. – Сейчас я тебя впусти!

В следующее мгновение юноша уже прошмыгнул вовнутрь её обиталища, а дверь за ним сразу же закрылась. Выглядели оба молодых человека крайне напуганными и взъерошенными, словно обоим довелось увидеть приведение.

– Что это с тобой?! – спросила у товарища Белогривка.

– На моего отца сейчас напали, – пояснил тот. – В подворотне рядом с нашим домом.

– Я слышала какие-то крики снаружи, – кивнула девушка. – Возможно, это было как раз то самое нападение?

– Возможно! – не стал отрицать Эфраим. – Но я здесь не за этим!

– А зачем?

– Во-первых, хотел убедиться, что ты в порядке, – ободряюще улыбнулся молодой человек. – Я видел свет у тебя в комнате сквозь прикрытые ставни, и решил убедиться лично.

– Спасибо, я в порядке! – кивнула Нэт. – А как твой отец? Его не ранили?

– А вот это вторая причина, почему я здесь! – нахмурился Эфраим, подходя к окну, чтобы выглянуть наружу.

– Что такое?! – сразу же заволновалась девушка. – Ему досталось в той стычке?!

– Нет, он в порядке, если не считать пару ссадин и синяков.

– Хвала Заступнику! – выдохнула девушка. – Но что тогда не так?

Вздыхнув, юноша обернулся, отходя от окна, после чего подошёл к своей возлюбленной, взяв её за руку и предлагая ей сесть.

– Мой старик считает, что нападавший на него безумец был болен чумой! – осторожно сказал он, ожидая возможных приступов паники со стороны девушки или иных неприятных последствий в виде истерики, криков или неверия.

Однако Белогривка не стала устраивать скандалов или падать в обмороки, а лишь нахмурилась, понимая, что двух совпадений в одну ночь быть не может, а, следовательно, это не один и тот же человек, но несколько разных больных, и каждый из них пострадал от чумы, как посчитали два вполне опытных человека. Следовательно, скоро следует ждать новых вспышек заразы, но лучше этого не делать, а...

– Наша семья отправляется прочь из города прямо сейчас! – оторвал от тягостных размышлений девушку молодой человек. – Мы берём только самые ценные вещи и еду, сколько сможем унести. Пойдём с нами!

– Почему вы так уверены, что это чума? – осторожно осведомилась Белогривка, которая радовалась тому, что Эфраим не стал её расспрашивать о ночном походе и не обратил внимания на то, как спокойно та отнеслась к пугающему известию.

– Отцу не раз об этом рассказывали его друзья в доках, – пояснил Эф. – Однажды много лет назад в порт пыталось причалить судно, полное чумных трупов, вероятно с целью принести заразу в Южный, однако своевременный досмотр выявил запретный груз, и корабль сожгли прямо в бухте. Тогда-то один из знакомых моего отца и увидел эти тела, что красочно и расписал потом всем товарищам.

– Но ведь возможно это всё же не чума? – со слабой надеждой в голосе осведомилась девушка.

– Даже если и нет, то зачем подвергать себя возможному риску?! Ты же сама знаешь, какие правила действуют во времена эпидемий...

– Беги подальше, общайся меньше, отсутствуй дольше! – кивнула Нэт, перечисляя все те заветы, которым предки учат своих детей на случай непредвиденного обстоятельства в виде вспышки какой-либо заразы.

– Ну вот видишь, ты всё прекрасно понимаешь сама! А на счёт болезни, то шут его знает, что это за дрянь такая...

– Чума! – заголосил кто-то на улице, вероятно споткнувшись о труп поверженного больного, которого прикончил в своё время отец Эфраима. – Это чума! Бежим!

Сразу же раздались перепуганные вопли, а потом и звуки быстрых громких удалявшихся шагов, когда обыватели порскнули кто куда. Помимо этого на улице начал нарастать какой-то гул, видимо местные жители, обитавшие в близлежащих домах спешно закрывали окна и двери, либо начинали свои торопливые сборы, спеша покинуть трущобы прежде, чем их охватит зарождающийся пожар паники и заразы.

– Нам нужно уходить отсюда, Нэт! – покачал головой юноша. – И чем скорее, тем лучше! Айда с нами к восточным воротам! Мы уже сейчас выходим!

– Я не могу! – покачала головой девушка. – Не могу бросить мать, спасаясь без неё!

– А я не могу бросить свою семью, – шмыгнул носом Эфраим. – Но и тебя оставить так просто тоже не в состоянии!

– Нет, ты можешь! – кивнула девушка. – Иди скорее домой, и помогай своим родителям, ты им сейчас нужнее! Ты после отца второй защитник в семье, и твои братья с сёстрами нуждаются в тебе.

– Но как же ты?!

– А что я? – не поняла его Белогривка. – Я дождусь мать с работы или отправлюсь за ней, а потом мы также отправимся прочь. Куда вы собираетесь уйти?!

– Просто за стены города, чтобы нас тут не смогли запереть, – пояснил юноша. – А вы?!

– Не знаю! – пожала плечами Нэт. – Но мне нужно срочно добраться до борделя и выгнать оттуда мою мать, чтобы она смогла решить, что нам делать дальше.

– А решить самостоятельно ты не в состоянии?

– А бросить свою семью ты в состоянии?! – усмехнулась девушка.

– Эфраим! – донеслось с улицы, после чего в дверь жилища Белогривки постучали. – Санса, Нэтали! Мой сын не у вас?!

– Тебя зовут! – пихнула локтем друга девушка. – Иди уже! Тебя заждались!

– Не пойду! – неожиданно взбрыкнул парень. – Мои родные справятся и без меня! Я же помогу тебе найти мать и покину город вместе с вами!

– Не выдумывай! – ужаснулась Нэт. – Я справлюсь сама, а ты отправляйся! Нечего пугать своих родных!

– Санса! – снова раздался громкий стук в дверь. – Я слышу, что внутри кто-то есть! Открывайте!

– Сейчас, мистер Томмен! – ответила Белогривка, направляясь ко входу. – Ваш сын и правда у меня!

– Зачем ты меня сдала?! – зашипел недовольный Эфраим, который не желал оставлять свою возлюбленную в городе даже под угрозой разлуки с родными.

Однако девушка уже отпирала замок, позволив соседу заглянуть вовнутрь, на что тот не преминул забрать с собой сына, после чего предупредил девушку о возможной вспышке заразы.

– Спасибо, мистер Томмен, но я уже знаю об этом. Ваш сын мне всё рассказал.

– Если хочешь, Нэтали, можешь бежать из города вместе с нами со своей матерью, – повторил предложение собственного сына мужчина. – Мы не против! Только собираться нужно быстро, брать самое ценное и необходимое, а...

– Спасибо, но нет! – мотнула головой Белогривка. – Моя мать ещё не вернулась домой, а без неё я бежать не собираюсь!

– Так оставь ей записку, встретитесь потом снаружи за городскими стенами!

– Спасибо, мистер Томмен, но я как-нибудь сама!

– Ну, как знаешь! – пожал плечами тот, потянув сына наружу. – Прощай, Нэт! Пошли, Эфраим! Там твоя мать уже вся извелась, и едва не упала в обморок, когда мы поняли, что тебя нигде нет поблизости! Идём!

В итоге упиравшегося Эфа утащили обратно домой, с тем, чтобы увести его со всей прочей роднёй, так и не дав друзьям толком попрощаться. Однако самой девушке было не до этого, ибо она была полна решимости как можно скорее разыскать свою мать, чтобы вместе с нею незамедлительно покинуть трущобы и город. Выйдя на улицу следом за ушедшими соседями, девушка заперла за собой дверь, пронаблюдав за тем, как её друга детства едва ли не волоком тащат обратно домой, чтобы тот не вздумал дурить и убегать повторно.

– Я люблю тебя, Нэт! – крикнул напоследок Эфраим, прежде чем Томмен втолкнул его обратно в дом, где уже вовсю гремели вещами и плакали младшие дети. – Люблю! Слышишь?!

Однако ответить ему девушка уже не успела, поскольку влюблённого юношу уже впихнули вовнутрь, чтобы упаковать его вместе с остальными вещами, если тот откажется покидать город вместе с семьёй добровольно. Вздогнувшая от подобного признания Нэт лишь вздохнула, опуская на голову капюшон короткого плаща, в очередной раз проверив свой небольшой кинжал, после чего пустилась вниз по Вшивому переулку, намереваясь добраться до борделя как можно скорее. Возле трупa заражённого мужчины она невольно ускорила свой шаг, стараясь не задерживаться возле него и дышать через раз сквозь тонкий платок, который она приложила ко рту и носу. О том, что чума передаётся с дыханием и кашлем заражённых, Нэт знала, но откуда, она припомнить этого не могла. Мельком глянув на труп умершего человека, девушка сразу же пожалела о своём решении, ибо выглядел тот ужасно. Не добавлял оптимизма и торчавший в ухе покойного нож, а также множественные колото-резанные раны на пояснице и спине, как и раздутая окровавленная рыха, в щербатой посмертной ухмылке которой обнаружили серьёзные пробелы в пяток зубов.

Стоявшие неподалёку от покойного местные жители гадали, что же это может быть за проказа или иная хворь, разглядывая язвы и вздутия на теле мертвеца, которое уже было предложено сжечь. Сейчас один из добровольцев как раз занимался тем, что зацепился верёвочной петлёй за ногу покойника, вытаскивая с её помощью труп волоком из лужи, чтобы второй мужчина смог обильно полить останки горячим маслом и укрывая сухой ветошью. Когда с приготовлениями было покончено, в небо взметнулись ярко-красные языки жадного пламени, и жители поспешили расступиться по сторонам, чтобы дым не дул в их стороны, заворожено наблюдая за импровизированным погребальным костром.

– Надеюсь, это остановит распространение заразы! – вздохнула какая-то женщина, однако проходившая мимо неё Белогривка лишь покачала головой.

– Вряд ли это поможет! – подумала девушка, вспоминая о том, что заражённый был не один. – Тот страшный человек на причале тоже был заражён, и тоже напал на первого встречного. Ах, Дюмон, Дюмон! Что же ты наделал?! Зачем ты привёз в город этого больного мерзавца, позарившись на его деньги?! Что с тобой стало?! Где ты сейчас?! Здоров ли, или уже заразился?! Бог ты мой! Да я ведь дважды контактировала с заразой, пусть и косвенно! Первый раз тогда, на пирсе, а второй раз сейчас, разговаривая с Томменом и проходя мимо этого покойника! Заступник! Да что же это такое творится, что в одночасье наш район подвергся засилью заражённых?

Добраться до борделя без приключений не удалось, ибо дорогу девушке заслонили трое здоровых лбов, преградивших ей путь. Двое из них были обезображены многочисленными оспинами и шрамами, зато вот их лидер щеголял татуированным лицом, которое было превращено неумелым мастером в нечто несуразное вместо запланированного ужасающего. Изначально предполагалось, что наколотая на лицо маска должна быть страшной и отталкивающей, отпугивая потенциальных собеседников и врагов этого мужчины, и она и правда отпугивала, правда своей несуразностью и нелепостью. Первой мыслью девушки, например, как и многих прочих людей, столкнувшихся с Чёрным Фредом, было настойчивое ощущение, что тот перемазался грязью или иной, не менее неприятной субстанцией, ибо и пахло от разбойника соответствующе. Однако смеяться над ним или подшучивать было опасно, так как мужчина был вооружён не только большим ножом, но ещё и скверным запахом изо рта, был не сдержан в своих эмоциях и порывах, и неразборчив в окружении, отчего два его спутника также не блистали интеллектом и отличались повышенной кровожадностью.

– Капюшон сымай! – распорядился Чёрный Фред, оскалив свои жёлтые зубы, которые отлично контрастировали с его тёмной татуированной мордой. – Живо!

Ничего против этого Белогривка не имела, ибо тем самым могла легко показать разбойникам свою белоснежную шевелюру, которой в Дыре хвастать было практически некому, ибо блондинов в ней было всего ничего.

– Ух ты! – восхитился увиденному один из громил. – Вот это лярва!

– Знаете, кто я такая?! – как можно более спокойным и даже грозным тоном осведомилась Нэтэли у бандитов.

– Какая разница?! – усмехнулся шрамированный разбойник, которого в криминальных кругах знали под прозвищем Копыто, ибо однажды он получил ниже пояса от одного коня, что и запомнили его товарищи. – Какая разница кто ты и откуда?! Выворачивай карманы, живо! А потом скидывай с себя свою одежку, сладкая!

– Тебе такое название как Вдовы ни о чём не говорит?! – продолжала упираться на авторитет своей матери Нэт.

– Ха, насмешила! – усмехнулся Копыто. – Что-то ты больно молодая да ранняя для такой компании!

– Зато я – нет! – послышалось сзади, и прежде чем разбойники успели сообразить, что к ним подкрались со спины, было уже поздно.

Уставшая Санса, возвращавшаяся домой раньше срока из-за переполоха в борделе, как нельзя кстати столкнулась с шайкой грабителей, которые решили пристать к её дочери. И теперь её кинжал уже был приставлен к горлу Чёрного Фреда, поскольку женщина безошибочно определила лидера шайки, зная многих криминальных личностей не понаслышке по долгу своей преступной службы. Вдовы умели не только раздвигать ноги под мужиками, но ещё и пытать, калечить и убивать их весьма жестокими и болезненными методами. Не зря бандой взбалмошных баб преступники пугали друг друга на дружеских посиделках, считая их одними из самых кровожадных и отмороженных группировок Дыры, поскольку слава эта была ими заслужена вполне справедливо.

– Если кто-то двинется, то Фред умрёт первым! – пригрозила Санса из-за мужчины, взятого ею в заложники.

Она умело оттянула голову разбойника назад за его грязные немытые патлы, второй рукой приставив к его шее нож, слегка надавив его лезвием под кадык умелым и отточенным движением. Похоже, что действовать подобным образом Сансе приходилось далеко не впервой, и этот мерзавец был у неё отнюдь не первым заложником.

– Бросай свой нож! – велела Вдова, что Фред сразу же послушно и сделал. – А теперь вы, двое! Валите отсюда подобра-поздорову, пока я не прирезала вашего дружка! Разойдёмся миром или будем драться – решать вам!

– Идите, парни! – хрипло ответил татуированный главарь из захвата, после чего добавил не очень уверенно. – Я вас вскоре догоню! Санса, это ты?!

– Я, я, паскудник! – встряхнула заложника женщина. – И раз ты знаешь меня, то и про дочь мою в курсе, подонок! Но это тебя не остановило, тем более, что Нэтали сообщила тебе о том, что у тебя будут проблемы со Вдовами, ежели вы её будете атаковать. Но ты всё равно не отступился от своей затеи, пока не появилась я! А ну стоять!

Этот окрик, как и последовавший затем хрип Фреда адресовались Копыту, который было дёрнулся в сторону Белогривки, намереваясь захватить девицу в плен, чтобы иметь возможность торговаться с нахальной Вдовой, но Нэтали оказалась не промах, порезав прыгнувшему к ней мужчине ладонь своим ножом, после чего белой лисой улизнувшей прочь.

– Ах ты сучка! – вызверился бандит, зажимая пораненную ладонь, но теперь не горевший желанием преследовать опасную добычу.

– Молодец, доча! – похвалила девушку Санса. – Уходите, считаю до десяти! Потом – пеняйте на себя!

На счёт шесть оба свободных бандита скрылись в ближайшем переулке, и посреди небольшого запущенного грязного дворика остались только мать с дочерью, пленный разбойник.

– Отпусти меня, Санса! – прохрипел из захвата Чёрный Фред. – Прошу тебя! Мы же уже сдались!

– Подними его оружие, милая! – приказала женщина.

– Хорошо, мам! – склонилась девушка, однако почти сразу же вскинула голову кверху, когда услышала страшный хрип.

Не успела ещё Белогривка подняться с колен, как наземь рухнул захлёбывающийся кровью разбойник, шея которого оказалась взрезана практически от уха до уха, и теперь Фред умирал, агонизируя на грязной земле, суча по ней ногами и руками, орошая всё вокруг себя кровью. В глазах Нэтали плескался один единственный немой вопрос на волнах ужаса и страха, на что мать будничным голосом поведала о том, что де мерзавец хотел вырваться силой из захвата и его пришлось прикончить.

– У меня просто-напросто не было иного выхода! – пожала плечами Санса. – Если бы ему это удалось, он мог наброситься на тебя или вырвать мой нож, а рисковать, тем более тобой, я не имею права!

– Но зачем было его убивать?! – прокашлялась, наконец, Нэтали.

– Девочка моя, – вздохнула женщина. – Мы живём в суровом мире, и многие поступки продиктованы ужасной необходимостью. Я не могла поступить иначе, понимаешь?! Мы с Фредом давние враги, и этот шрам мне достался в память от него.

С этими словами Санса приподняла край своей туники, обнажив живот, показывая старый след от ножевого ранения, от которого Вдова едва не умерла два года назад, едва сумев поползти до дома, перепугав до смерти свою дочь. Выходили тогда разбойницу с большим трудом, и Нэтали уже боялась того, что ей суждено остаться сиротой, но крепкий организм разбойницы справился, и вскоре пациентка пошла на поправку.

– В моём мире, где я живу и работаю, – продолжила со вздохом Санса. – Либо я, либо меня! Пошли скорее отсюда, пока дружки этого уroda не вернулись, и не решили на нас напасть!

– Ты их боишься? – спросила Белогривка.

– Их?! Пф-ф-ф! Конечно, нет! Я боюсь за тебя, но не за себя! Уходим!

Мать и дочь отправились обратной дорогой в сторону борделя, ибо возвращаться сейчас в сторону дома было опасно – именно в том направлении скрылись поделщики покойного ныне Чёрного Фреда. Их Санса нисколько не боялась, наоборот – она с удовольствием бы встретила с ними в тёмном переулке, чтоб выпустить наружу кишки Копыту и его дружку, ибо

с ними у женщины также имелись старые счёты иного плана, и оставлять своих врагов безнаказанными она не желала. Но ради дочери стоило пойти на подобные жертвы, ибо потерять Нэт для Сансы было самым худшим наказанием. Даром, что ли, женщина после того ранения не может больше иметь детей, которых могла бы родить и воспитать?

– Мне пришлось это сделать, милая, – снова начала оправдываться перед дочерью мать. – Поскольку этот подонок узнал тебя и не собирался отступаться. Возможно, он хотел тем самым через тебя насолить мне, да вот только просчитался. Ну да ладно, нечего даже вспоминать об этом уроде! Зачем ты вышла на улицы ночью?!

– Чума, мама! – коротко ответила девушка.

– Значит, ты уже в курсе?! – вздохнула Вдова. – Хотя в этом нет ничего удивительного. Посмотри!

И правда, пустынные обычно улицы под ночным небом, сейчас были запружены галдевшими людьми, которые громко переругивались, перекрикивались, общались между собой, высыпав из домов наружу. Зловещее слово витало в воздухе, словно бич, пугая обывателей и способствуя распространению паники. В сторону Восточных ворот, доков и мостов потянулись первые горожане со скарбом на плечах, ослах, лошадях и даже телегах. Похоже, что угроза заражения оказалась нешуточной, ибо на пустом месте подобной паники не бывает.

– К нам в бордель сегодня зашёл один мужчина, – начала рассказывать мать, упрямо пробиваясь сквозь группы первых беженцев, рассекая толпу, как раскалённый нож масло, потому как вид имела самый решительный, подкреплённый окровавленным кинжалом, который не стала очищать и убирать, по-прежнему держа его в руке. – Так вот, когда его раздели, Офелия чуть в обморок не грохнулась, когда обнаружила что у него там... Гм-м... В-общем, заразу распознали быстро, козла этого к стенке приставили, велел говорить, на что тот сообщил, что чувствует себя хорошо. После пары зуботычин он признался, что болеет уже вторые сутки, но не считает себя заразным. После ещё нескольких оплеух, он заплакал, и сказал, что решил погулять напоследок, а на вопрос, чем он думал, когда отправлялся в наше заведение, он лишь пожал плечами, заявив, что надеялся, что его не заподозрят или не откажутся обслужить за дополнительную плату. Вот ведь мерзавец! Между наших девочек и так уже ползли тревожные слухи, что в трущобах видели нескольких то ли прокажённых, то ли больных, но приняли их за попрошаек. А теперь же увидели больного воочию, и все переполошились. Стоит ли говорить, что все Вдовы тотчас разбежались по домам или стали укреплять бордель для длительной осады на тот случай, если зараза начнёт распозаться по району. Как только я услышала о больном, то сразу же поспешила за тобой. Ты же, смотрю, шла за мной с той же самой целью, верно?

– Да, – кивнула девушка.

– Как ты узнала о чуме?

– У нас под окнами умер один больной, – не стала раскрывать своих ночных походов на пирсе дочь. – А перед смертью он ещё и набросился на мистера Томмена, намереваясь убить или заразить его, но наш сосед одолел врага, воткнув ему нож в ухо.

– Бедная ты моя девочка! – пожалела Нэтали мать. – Ты не сильно испугалась, надеюсь?!

– Мама, у меня на глазах умер человек! Когда стали говорить о чуме, я едва не умерла от страха сама! Наши соседи уже собирали пожитки, намереваясь выбраться из города как можно скорее, и звали меня с собой, но я не могла уехать без тебя!

– Оставила бы мне записку! – вздохнула женщина, поражаясь тому, какой бестолковой могла быть её дочь. – И уходила с ними! Я бы справилась сама, а потом мы бы встретились снаружи!

– Я так не могу! – вздохнула Нэтали. – Мы идём домой?!

– Ага! – кивнула Санса. – Нужно забрать ценности из тайника, и можно уходить прочь, пока не стало слишком поздно!

Теперь до дома мать и дочь добрались без проблем, ибо многим обывателям было попросту не до них. Половина трущоб дрыхла мертвецким сном после дневных возлияний либо после каторжных трудов на различных работах, в то время как вторая половина суетливо паковала свои пожитки, заколачивала окна и двери как изнутри, так и снаружи, готовясь либо покинуть район, либо укрепиться в своих жилищах, отгородившись их стенами от возможных заражённых и мародёров. Многие понимали, что без краж и разбоя не обойдётся, а посему все спешили достать из подполов старое оружие, стряхивая с него пыль и ржавчину, готовясь к непростому новому дню, который только-только спешил войти в свои права, ибо небо на востоке начало немного алеть и светлеть, и ночь принялась отступать, сдавая свои позиции.

Возле дома обнаружилась довольно большая груда пепла, в которой лежало нечто непонятное, поскольку узнать в свернувшемся обугленном теле бывшего человека оказалось крайне сложно. Останки ещё дымились и тлели, но до них жителям не было никакого дела, ибо обыватели Вшивого переулкa познали всю опасность заражения, заимев наглядное пособие, а посему большинство из них уже покинули свои жилища или затаились внутри. К вящему разочарованию Сансы и Нэтали дверь в их жилище была выбита, и теперь болталась, противно скрипя давно не смазанными петлями, в то время как внутри здания слышался какой-то грохот и звон. Похоже, что первые мародёры уже наострили свои уши, начиная быстро обшаривать опустевшие дома, пока ещё в трущобы не нагрянули чумные доктора, намереваясь разжиться дармовыми деньгами и покинуть район как можно скорее.

Выругавшись, Санса взяла свой кинжал наизготовку, велев дочери оставаться снаружи и не приближаться, после чего быстро заглянула через приоткрытое окно вовнутрь. Света внутри было мало, ставни были закрыты, поэтому сквозь щель много увидеть не удалось, и Вдова тихим шагом переместилась к распахнутой двери. Жестом мать затребовала у Белогривки её трофейный нож, доставшийся ей от покойного Чёрного Фреда, после чего быстро метнула его в невидимого для Нэт врага, врываясь следом безумным ураганом. Естественно, что когда внутри закричали, Нэт не смогла устоять, чтобы не заглянуть туда и не узнать, что же там, чёрт побери, происходит! А происходило там примерно следующее.

Каким-то макарон Копыто и его приятель опередили Вдову и её дочь, прибыв к их жилищу раньше, и теперь бесцеремонно переворачивали всё внутри вверх дном, то ли желая насолить за свой недавний проигрыш, то ли желая в отместку ограбить наглую бабу. Поскольку ушла Санса с дочерью в другом направлении, а Фред так и не явился к товарищам, те сунулись обратно во дворик, обнаружив труп своего лидера. За его смерть тотчас было решено отомстить, а делать это лучше всего было дома у наглой Вдовы, где её и хотели застать врасплох, а также ограбить вдали от её товаров по банде. Выдала разбойников их тупость, наглость и жадность, поскольку те оставили явные следы взлома и теперь шумели перебираемым и разбрасываемым всюду домашним скарбом, в надежде найти схрон Сансы, который у разбойницы наверняка имелся. Естественно, что Вдова была решительно против подобного вторжения в её частную жизнь, а посему она метнула вперёд трофейный нож покойного Чёрного Фреда, а потом ринулась вовнутрь, намереваясь расправиться с врагами, пока те не поняли, как безалаберно прошляпили появление грозной хозяйки.

К счастью лезвие улетевшего вперёд ножа впилося одному из громил в бедро, отчего он с рёвом повалился на пол, зажимая своими лапищами свежую рану, а Санса уже в это время рубанула своим вторым оружием, намереваясь добраться до горла второго разбойника, коим оказался приснопамятный Копыто. Однако враг уже успел сориентироваться, отпрянув назад, а потом зарядил бедной женщине в ответ, лягнув её своей ножицей. Удар пришёлся точно по животу, отчего охнувшая Вдова отлетела назад, грохнувшись на пол рядом с раненым бандитом, который к этому моменту уже выдернул из своей ноги окровавленный нож и попытался им атаковать соперницу. Однако и тут Санса оказалась первой, воткнув лезвие своего кинжала мерзавцу точно под подбородок, отчего тот моментально испустил дух, начиная завали-

ваться на пол, обильно орошая всё вокруг себя потоками крови. Радоваться женщине пришлось совсем недолго, ибо её тотчас с силой дёрнул за ноги Копыто, тем самым подтянув и подмяв Вдову под себя. Оружие женщины тотчас оказалось выбитым из рук, а потом она сразу же получила два удара по голове, и сразу же потеряла сознание, бессильно растянувшись на полу.

– Беннет! – позвал Копыто напарника, но делал это совершенно зря, ибо тот уже успел затихнуть, умерев от смертельного ранения и критической кровопотери. – Беннет, ты как?! Жив?! Бля, что я такое несу?! С него столько крови натекло, как он может быть жив! Ах ты ж маленькая сучка!

С этими словами он ещё раз ударил Сансу, в то время как её дочь дрожала снаружи, прижимаясь к стене дома, страшаясь войти внутрь и предстать перед рослым свирепым мужиком. Однако её мать пока не собирались убивать, а посему Белогривка решила не торопить события, выжидая подходящего момента, и была вознаграждена за своё терпение, ибо в следующее мгновение Копыто связал Сансе руки ремнём за спиной, после чего бросил её на кровать, разрывая на бесчувственной женщине её одежды с явным намерением её изнасиловать. Однако не успел грабитель приступить к делу, выдав перед этим нечто пафосное, как Вдова очнулась, пытаясь высвободиться из под тяжёлой туши насильника, однако тот держал её крепко.

– Сейчас я засажу тебе, и отымею тебя в отместку за своё прошлое унижение! – прорычал женщине на ухо распалившийся Копыто. – А потом закончу то, что не доделал два года назад! Нужно было тогда тебе не в живот нож втыкать, а в глотку, паскудина!

– Ты уже вошёл или как?! – усмехнулась снизу Санса. – А то твой махонький стручочек не только у меня истерики в борделе вызывал, но и у всех девчонок! Ты хоть предупреди, когда закончишь, а то ведь я и не пойму!

– Ах ты шалава! – вызверился Копыто, снимая с себя портки. – Сейчас я тебе задам!

Однако задать он ничего не мог, ибо практически в то же мгновение ему в шею воткнулось лезвие кинжала, которым была вооружена Нэтали, дождавшаяся нужного момента. Пользуясь тем, что руки насильника заняты Сансой, а сам Копыто стреножен спущенными портками, девушка тихой лисой проскользнула в помещение, сумев дотянуться до рослого бандита. Хрипевший и кашляющий кровью бандит успел развернуться, и даже ударил в ответ, однако дотянуться до Белогривки ему помешали спущенные штаны, отчего он тут же завалился на пол, начиная биться на нём в агонии. Понимая, что оставлять живого, пусть и умирающего, человека за спиной опасно, Белогривка схватила с пола лежавший там табурет и изо всех сил ударила им разбойника по голове. После третьего удара Копыто шевелиться перестал, а предмет мебелировки обильно окрасился в красный цвет. Бросив табурет на тело помершего разбойника, девушка переступила через его труп, тяжело дыша от возбуждения, ибо первое убийство всегда даётся нелегко, только если человек не законченный садист и психопат с рождения.

– Доча, это ты?! – извернулась на постели связанная Санса, чтобы увидеть причину и последствия скоротечной драки. – Молодец, девочка! Возьми какой-нибудь нож и разрежь эти ремни на моих запястьях! Скорее!

Кивнув, Белогривка нагнулась за кинжалом, который Копыто успел вырвать из раны перед смертью, с отвращением подняв оружие и обтерев его лезвие об одежды несостоявшегося насильника. После этого она спешно освободила свою мать, и рухнула на кровать, ошарашенно глядя на два трупа, лежавшие в лужах крови посреди их лачуги.

– Какой кошмар! – подумала она. – И вот этим моя мама занимается помимо работы в борделе по ночам?! Ужас! И я ещё хотела присоединиться к ней и Вдовам! Да ни за что в жизни!

– Не переживай, Нэт! – успокоила девушку присевшая рядом с ней женщина. – Ты всё сделала правильно и спасла меня! Иначе, этот урод бы зарезал меня, после того, как изнасиловал. Копыто мог, он такой!

– Кто?! – встрепенулась Белогривка, не поняв, о чём говорит её мать.

– Этого урода звали Копытом, – пояснила Санса, кивнув в сторону разбойника. – Его однажды кобыла лягнула по бубенцам, так с тех пор за ним это прозвище и прикипело. Ну да ладно! Хватит тут расслаиваться и плакать по двум подонкам, которые не стоят ни одной пролитой слезинки. Нужно срочно собираться, и бежать из города, пока не стало слишком поздно! Возьми из буфета съестных припасов в дорогу на первое время. То, что необходимо готовить – не бери. Лучше всего пойдут овощи и фрукты, потому как они и голод, и жажду утоляют.

– Хорошо, мама! – кивнула Нэт, вставая с постели.

Сама же женщина времени зря не теряла, ибо разорванное платье уже лежало на полу, а сама она красовалась в новом, накинув поверх плащ с капюшоном, и теперь уже склонившись над полом, где под половицей был обустроен небольшой тайник. Разряжать ловушку было попросту некогда, ибо сейчас на счету была каждая минута, а посему Санса отогнула доску, отклоняясь назад, поскольку когда пружина внизу распрямилась, вверх выстрелил острый дротик, с глухим стуком впившийся в потолочную балку. Рассчитана ловушка была таким образом, чтобы любопытному неосторожному воришке подарок прилетел в грудь или голову, и Вдова жалела сейчас о том, что Копыто или его приятель не обнаружили в своё время её заначку, ведь тогда бы ей пришлось иметь дело не с двумя, а всего лишь с одним разбойником. В самом тайнике хранились только драгоценности, которые бандитка в своё время заработала грабежами или развратом в борделе. Особенно дороги ей были серебряные серьги с топазами, которые она отрезала вместе с ушами своей соперницы по банде с именем Линда. Мало того, что эта завистливая потаскуха отбивала всех состоятельных клиентов в борделе, уводя их из под носа Сансы, так ещё и совратила Сержию, её единственного постоянного клиента, который, чего уж там греха таить, был влюблён в Сансу и даже несколько раз порывался сделать ей предложение. Те самые серьги предназначались девушке в качестве подарка, однако Линда обманула Сержию, заявив, что его избранница сейчас отсутствует, и совратила мужчину, затащив его в свою постель. В итоге серьги всё-таки вернулись к той, кому предназначались, попутно с этим лишив завистницу её ушей, которые Санса отрезала мерзавке в тёмном переулке после того, как узнала об обмане. Если подобное варварство вам может показаться безумием чистым воды, то тут следует сделать небольшое отступление, пояснив, что Линда вдобавок к этому несколько раз знатно подставляла Сансу, при этом один раз едва не подведя женщину под арест, а стукачей в бандах не любили, и относились к ним соответственно. Посему на эту месть разрешение было спущено сверху, и прозвучало даже не как милость, но, скорее, как строгий приказ. Никто не смеет ослушаться главу банды или тайно доносить шпикам!

Помимо памятных серёжек, в тайнике обнаружилась небольшая стопка золотых монет, мужской перстень с изумрудом (также боевой трофеей), гребень из кости крупного животного (подарок довольного клиента), да немножко порошка чёрного лотоса, который считался мощным наркотическим средством и очень сильным компонентом множества зелий и рецептов для магических ритуалов. Санса знала, какова конечная участь наркоманов, а посему не увлекалась порошком сверх меры, используя его только в крайних случаях, когда нужно было заглушить боль от критических ран, чтобы не протянуть ног. Для удовольствия использовать чёрный лотос было крайне дорого и опасно, ибо во время наркотических видений человек себя контролирует слабо, и может представлять угрозу как для себя самого, так и для окружающих. Да и законченных нюхачек из Вдов вышибали очень быстро, причём делали это весьма и весьма кровожадно, попросту убивая торчков, чтобы те не растрепали секретов банды за понюшку зелья. Вообще наркоманы были бедой и головной болью для всех, кроме наркоторговцев, ибо только они наживались на этом людском горе, в то время как все остальные страдали от него очень сильно. Всего лишь месяц назад скончался Сизоносый Стивен, не рассчитавший дозы, а Бетти, которая голышом умчалась из борделя на крыльях наркотического прихода, обнару-

жилась потом в ближайшей подворотне. Мёртвая. Она ли напала на кого под кайфом, либо набросились на неё – неизвестно.

Когда со сборами было покончено, Санса велела своей дочери помочь ей с трупами двух грабителей, которых за ноги выволокли из дома, бросив посреди улицы под взорами изумлённых соседей и нескольких прихожих, после чего обе дамы направились прочь, опустив капюшоны на головы, не став запираť дома – смысла в этом никакого не было. Нэтали всё же предложила маме заколотить дверь и окна, на что та пожала плечами, заявив, что воровать внутри всё равно нечего, а возиться с инструментами времени не было. Да и крупных деревяшек всё равно было мало, да и вообще – того, кто захочет взломать заколоченное жилище, никакие преграды не задержат.

Путь до Восточных ворот вышел довольно быстрым и препятствий никаких не возникло, однако на подходе к городским стенам на дороге образовался огромных размеров затор. Прознавшие об опасности эпидемии жители стекались к выходу из города семьями, общинами и поодиночке. Кто-то был налегке, часть несли свои вещи на руках и в сумках, особо зажиточные обыватели могли похвастать навьюченными ишаками, тележками и даже лошадьми. Пёстрое людское и не очень море голов волновалось, шумело, выкрикивало какие-то проклятия, слышалась ругань, детский плач, переключки и залихватский собачий лай со ржанием перепуганных копытных.

– Может, попробуем развернуться и выбраться через другие ворота?! – спросила у матери Нэтали.

– Не глупи, Белогривка! – вздохнула та. – Никто не позволит нам покинуть города через иные дороги. Южные, Западные и Северные врата находятся на той стороне реки, а на мостах сейчас, скорее всего, выставлены заградительные заслоны и баррикады. Знать и зажиточные граждане точно не захотят пускать нас, голодранцев и воров, коими они считают почти всех жителей Дыры, а также нелюдей из их кварталов, считая нас низшими существами, не достойными даже выносить за ними их ночные горшки.

– Это так! – кивнул какой-то низушек, который сидел на краю телеги, возле которых и болтали мать с дочерью. – Мы с семьёй только что от верхнего моста. Там баррикада таких огромных размеров, что удивительно ещё, как это мост умудряется стоять. Там всех разворачивают прочь, отправляя к Восточным воротам или по домам.

– Оперативно, однако! – цокнул языком какой-то мужчина криминальной наружности, отиравшийся поблизости. – Как только стража так быстро прознала о чуме?! Неужто им донёс кто-то?!

– Что знают двое, знает и свинья! – философски изрёк половинчик, не отпуская вожжей, чтобы впряжённые в повозку пони не думали расслабляться. – А нас тут таких паникёров посмотри сколько собралось!

И правда, такого столпотворения Восточные врата не знали уже давненько, и даже в самые загруженные свои дни, когда караваны с тракта сменяли один другой без перерыва, тут отдалённо не было так шумно илюдно. Помимо множества жителей трущоб в общем потоке обнаружили и спешившие покинуть город ремесленники с семьями, а также множество нелюдей, из числа тех, кто не мог позволить изолировать свои общины внутри города. Гномы и эльфы, вот, например, точно остались на своих местах, потому как каждый из двух кланов подгорных рудознатцев обладал мощной крепостью, способной пережить длительную осаду, а остроухие лесовики легко могли закрыться в своей чаще при помощи магии. Подобные случаи уже бывали и раньше, и тогда можно до посинения пытаться штурмовать их поселения, однако гномы смогут вам наподдать в ответ, пустив в ход баллисты, арбалеты, катапульты и иные смертельные приспособления, а к эльфам вы попросту не пробьётесь из-за града стрел и живой стены из деревьев, которые своими стволами и ветвями выстроятся в самую настоящую живую изгородь. Остальные общины не были защищены также хорошо, а посему в общей

массе беженцев можно было узреть уже упомянутых половинчиков, орков, тёмных эльфов, одиноких кентавров и прочих существ, однако их было намного меньше, нежели чем людей по нескольким причинам. Во-первых, люди всё же преобладали в численном составе жителей, ну и, во-вторых, больше всего случаев выявления чумных больных произошло в Дыре, где нелюди встречались относительно редко. В ремесленном районе говорили о двух погибших, а в квартале иноземцев всего об одном, правда и скончался этот гад там крайне живописно, выбравшись на главную площадь района, где и стал биться в корчах, рыгая на мостовую кровью. Зато бежавшие из Дыры нищие и чернь твердили как минимум о пяти случаях контактов с заражёнными, и становилось понятно, что эпицентром заразы стали трущобы, откуда болезнь запустила свои алчные щупальца и в прочие места. Именно там был обнаружен первый больной, да и общее количество чумных в Дыре оказалось самым большим.

Информация, зачастую противоречивая и излишне искажённая, летала над волнуемым морем людских голов, пугая и подавляя волю сильнее, нежели вид самих больных, коих Нэт за прошедшую ночь видела аж целых два экземпляра – на пирсе и возле их дома. Вообще, если так подумать, ночка выдалась ещё та – заразные уроды, харкающие кровью, разбойное нападение, три мёртвых грабителя, едва не изнасилованная мать, брошенный дом!

На улицах становилось жарко из-за встающего солнца, а также большой кучности собравшихся у ворот беглецов, жаждавших вырваться из города, пока ещё не поздно. Однако поток двигался крайне медленно, подобно не то чтобы хромой и пьяной улитке, а, скорее, со скоростью мёртвого ленивца, уже не способного передвигаться иначе, чем в пасти у какого-либо хищника.

– Почему нас не выпускают из города?! – хмурился половинчик с тележки, где также обнаружилась и его родня – жена, сестра со своим мужем, да с дюжину ребятишек.

– Выпускают! – проворчал криминальной наружности мужчина, шмыгнув носом. – Только проверяют досконально всех и каждого, чтобы не пропустить заражённых. Говорят, там раздевают едва ли не до исподнего, выискивая на теле язвы и волдыри. И если таковые обнаружатся – стрелу в брюхо и тело на костёр!

– Если это действительно так, то мне нужно будет избавиться от лотоса перед досмотром, – вздохнула едва слышно Санса, однако дочь её всё же услышала.

– Вряд ли при текущих обстоятельствах стражу будут заботить наркотики, – тихонько сказала ей девушка. – А они дорогого стоят.

– Но и рисковать лишний раз тоже не стоит! – ответила Вдова. – Сейчас действуют законы военного времени, а посему с любыми нарушителями церемониться не будут вообще – казнят на месте без суда и следствия. Не то сейчас время, чтобы расследовать преступления, выискивая виновных.

В этот момент у ворот зашумели, закричали, и все беженцы стали подниматься на цыпочки, чтобы узреть, что же происходит у заветного створа, а там, судя по всему, выявили что-то нестандартное. Два стражника тащили за руки сопротивляющуюся женщину в сторону, во всеуслышание объявив, что та возможно заражена, что лишь заставило всех заволноваться ещё сильнее. В сторону служивых бросился муж несчастной, однако его грубо отпихнули прочь, а когда мужчина заартачился и решил прибегнуть к кулакам, в воздухе блеснуло лезвие алебарды, и смутьян свалился замертво, лишившись своей головы. Визги и крики резко набрали силу, переходя на ультразвук, кто-то крикнул, что стражники применили оружие против здоровых людей, прозвучал клич, звавший беженцев в атаку, в то время как сержанты командовали взять оружие наизготовку. В итоге в сторону правоохранителей полетел первый булыжник, потом ещё и ещё, в ответ же мелькнуло несколько стрел, и ещё один крестьянин сложился пополам, когда ему в живот угодил смертоносный снаряд. А потом началась давка, паника, и возник самый настоящий хаос, ибо прозвучала команда закрыть ворота, которые и так были едва приоткрыты, чтобы туда мог протиснуться бочком лишь один чело-

век. С громким скрежетом огромные створки начали смыкаться, толпа завизжала, навалившись на стражников, которые вскинули свои алебарды. Вспыхнувшая драка быстро сходила на нет, ибо пусть служивых и меньше, чем перепуганных беженцев, однако охранники законваны в броню и вооружены, в отличие от простолюдинов. Одному человеку и двум юрким половинчикам удаётся миновать общую свалку, не насадившись на пики, шмыгнув скользкими угрями в быстро сужавшуюся щель. Двоим смельчакам повезло, зато вот третьему, полноватому низушку в пышных цветастых одеждах – нет. Бедолага застрял между створками, отчего он заорал от боли, однако механизм и привратников это не остановило, а посему его вопли быстро переходят в громкие визги, а потом и в хруст, и в итоге коротышка оказывается разрезан надвое, стекая окровавленными останками по дверям вниз, умерев в мгновение ока.

Сразу за этим у ворот раздаётся громкий взрыв – это военный чародей, дежуривший на стене, и входивший в обязательный комплект привратной стражи, решил прибегнуть к магии, чтобы помочь своим товарищам внизу. Пусть беженцы и не обладали оружием, не были облачены в доспехи, но их было много больше, нежели охранников, а ещё над ними довлело проклятие обречённости и страх перед чумой, гнавший их на копья, несмотря на то, что ворота уже были заперты. Если будет нужно – их будут грызть, царапать и пинать, лишь бы иметь возможность выбраться из западни, коей теперь стал правобережный Белокамень, который только что изолировали от всего мира, оставив всех его обитателей наедине с заразой. Кроме того, если одолеть стражу, то что сможет помешать разгневанной толпе добраться до барабанного ворота механизма, открывающего тяжёлые створки гигантских дверей?! Но чародей правильно расценил ситуацию, поняв, что если не устроить толкового отпора сейчас и дать слабину, беженцы будут драться до последнего. А посему маг активировал свой служебный жезл, не побоявшись направить его напрямик в толпу беженцев, вызвав посреди волновавшегося людского моря взрыв.

Закричали раненые, несколько тел взлетело в воздух, приземляясь затем на головы своих же товарищей или на алебарды стражников, в воздухе запахло кровью, палёным мясом и волосом. Испуганно ревели ишаки, вставшая на дыбы лошадь сбила какую-то женщину с ног, после чего начала на ней гарцевать, вбивая тело несчастной в мостовую. Плакали дети, орали озверевшие стражники, визжали перепуганные обыватели, которые теперь свернули обратно, норовя убежать от ворот как можно скорее. Белогривка с Вдовой поблагодарили Заступника, что оказались так далеко от места происшествия, опоздав к началу смотра, ибо сейчас могли оказаться в том самом взрыве либо на земле, поскольку обезумевшие от страха смутьяны рвали назад так резво, что сбивали с ног всех тех, кто им мешал, улепётывая затем прямо по трупам и раненым согражданам. А таких, кого сбили в общей давке с ног, оказалось немало. Благо, что Нэт и Санса были далеко от места побоища, и не имели при себе крупногабаритного груза – только ценности да узелок с едой. Посему им обоим легко удалось улизнуть с дороги, пока паника и людская волна не достигла их, и убежать прочь по переулку, пока туда не устремились прочие горожане.

– Это самое настоящее безумие! – отдуваясь, сказала девушка.

– Именно! – кивнула мать. – Скорее, за мной!

– Куда ты хочешь добежать?!

– До правобережных доков, милая! – пояснила Санса, и дополнительных объяснений не требовалось.

И правда, если единственные ворота по эту сторону реки оказались закрыты, мосты забаррикадированы, то не остаётся ничего иного, как попробовать покинуть город по воде. Видимо, в похожем ключе мыслили и другие жители, ибо поток беженцев летевших в том направлении рос как на дрожжах, а посему дамам также пришлось заметно ускориться. Хуже того, какой-то прохиндей на полном ходу вырвал у Нэтали узелок с продуктами, скрываясь

в ближайшей подворотне, однако преследовать его было попросту некогда, а посему Санса распорядилась бежать дальше.

К пирсу выжившие также опоздали, ибо там обнаружился больших размеров отряд стражи с тремя чародеями, которые буквально только что высадились боевым десантом, начиная отгонять от лодок горожан. Несколько яликов всё же успели отвязать от пристани, и горожане попрыгали в них, сражаясь за каждое место между собой, однако уплыть всем было не суждено, ибо одна шлюпка перевернулась из-за перегрузки, а ещё две или три взорвали военные чародеи, магическими снарядами уничтожая все лодки, до которых смогли дотянуться своими чарами. Ялики взрывались один за другим, брызгая во все стороны горевшими щепками и пылающими беглецами, вопящими от боли. Те, кому удавалось выжить во взрывах, теперь гребли в сторону берега, тем же, кому не посчастливилось встретить свой конец, теперь попросту молчаливыми трупами плыли дальше вниз по реке, влекомые сильным течением Полноводной. На самом причале также вспыхнуло крупное сражение, но на этот раз оно не было таким безжалостным побоищем, какое устроили возле Восточных ворот.

Теперь стражникам противостояли не перепуганные беззащитные беженцы, но самые настоящие бандиты, которые контролировали пирс, и которые хотели устроить пляску на костях, запуская контрабандные рейсы, суля наивным дурачкам вывезти их из города за баснословные суммы. Что с ними стало мы уже знаем или можем узнать, если повторно посмотрим на реку, где плывут горящие доски уничтоженных лодок, трупы, и барахтаются раненые во взрывах пассажиры. Вообще, эта территория всегда была вотчиной Топоров – клана оседлых речных и морских пиратов, решивших обустроить себе сухопутную перевалочную базу, где они смогут перепродавать награбленные в рейдах ценности, закупаться провиантом для матросов и запчастями для повреждённых судов, а также вербовать себе новых членов команды. Подобная инициатива пришлась не по душе обосновавшимся тут Теням, гильдия которых до сих пор обладала монополией на все противозаконные действия. Увидев в клане Топоров конкурентов, Тени решили нанести упреждающий удар, дабы не дать пиратам закрепиться в городе, однако те оказались крепкими орешками, и пускали корни уже в условиях войны, которая полыхала адским пожаром, унося десятки разбойничьих жизней в сутки, и столько же обывателей, потому как пираты с местным населением решили не церемониться. В итоге все трупы оказались поделены между этими двумя крупными группировками, в то время как порт пираты всё же смогли отбить себе, и теперь были полны решимости защитить его от нахлынувшей стражи.

Кровь текла ручьями по берегу и доскам пристани, окрашивая воды реки в ужасающие красные цвета, ибо сеча стояла страшная. Разбойники во что бы то ни стало хотели если не уничтожить, то отбросить десант обратно, хотя бы на какое-то время, чтобы иметь возможность утащить с берега и из воды ещё пока не повреждённые шлюпки. Зато вот стража точно получила приказ уничтожить все плавсредства, ибо первым делом они пробивали днища лодкам, пуская их на дно, либо разрубая их на мелкие части, если те лежали на песке. В воду же теперь летели не только щепки, но и трупы, ибо церемониться никто с соперниками не собирался, и в ход шло не только оружие и даже голые кулаки, но и летели арбалетные стрелы, волшебные снаряды чародеев, а посему грохот на берегу стоял страшный. Вот под тяжестью метавшихся на причале стражников и их врагов не выдерживают опоры причала, и он рушится прямо на глазах, отчего все участники битвы горохом сыплются в кровавые воды, но не прекращают сражаться даже в набегающих на берег волнах. Тем стражникам, кому не посчастливилось отлететь далеко от берега, сразу же камнем идут на дно, ибо их туда тянут тяжёлые доспехи, зато остальным не грозит смерть от утопления, ибо они барахтаются на мелкоте. От воды-то они может и не умрут, но вот от клинков Топоров – запросто, ибо те, пользуясь моментом, спешат добить временно беспомощных служивых. Естественно, что чародеи пытаются отгонять пиратов прочь, однако удаётся им это с переменным успехом.

Часть из вылетевших на пирсы и берег беженцев устремляются на помощь Топорам, потому как те пытаются спасти лодки, часть же разворачивается и устремляется с места побоища прочь, и Санса с Нэт присоединяются ко вторым, ибо без крови сегодня уплыть точно не получится – уж больно силен оказывается высаженный десант, выступающий под прикрытием нескольких магов, коими пираты похвастаться не могут. Оставив позади очередное побоище, дамы бегут прочь, ибо возле берега беспокойно из-за наплыва беженцев. Оглянувшись назад, Нэтали видит, что по водной глади всё же плывут не только трупы, но и очередные лодчонки – то предприимчивые граждане решили начать свой сплав, отчалив перед пирсом выше по течению или после него, однако и на этот случай у властей оказался выход – наперерез смельчакам движется большой боевой корабль с флагами Эоса, а это значит, что сейчас начнётся перехват беглецов. Однако не все стремятся покинуть город – часть гребцов направляет свои ялики и шлюпки к противоположному берегу, вероятно решив поскорее добраться до другой половины города, чтобы смешаться там зажиточными горожанами и устроиться в более хороших условиях осады либо бежать через тамошние ворота, если они ещё не перекрыты. Хотя, какой был смысл их перекрывать, если среди слухов о чумных заражённых не было ни одного с Левобережного Белокамня? Конечно, не факт, что беглецов не встретит на том берегу стража, однако попытаться сбежать подобным образом было можно и даже нужно.

– Это какой-то кошмар! – выдохнула уставшая Санса, прислонившаяся к стене дома в тщетной попытке отдышаться после продолжительных забегов. – Ужас!

– Да! – кивнула Нэтали. – Ужас ещё тот! Что вообще происходит?!

– Как что?! – горько усмехнулась разбойница-мать. – Ты разве ещё не поняла?! Наши власти заперли нас в городе, чтобы сдержать распространение заразы!

– Но неужели всё так плохо?! А как же быть с левым берегом и Островом?!

– Если бы и там обнаружилась зараза, тогда бы на мостах не стали строить баррикад, милая! – вздохнула Санса. – А, следовательно, чума обнаружилась пока только на нашем берегу. Ладно, чего уж там гадать. Пойдём отсюда, тут небезопасно!

И правда, позади на берегу продолжали греметь отзвуки битвы, и было непонятно, как долго она ещё будет продолжаться и кто же там одерживает верх. Всюду бегали растрёпанные обыватели с таким безумным видом, что можно было думать о дне открытых дверей в доме скорби, откуда в одночасье выпустили всех психов, позволив им идти на все четыре стороны. Потянув за собой дочь, Вдова направилась в том направлении, где было довольнолюдно.

– Мы не идём домой?! – нахмурилась Нэтали.

– Нет, – мотнула головой Санса. – Да и какой в том смысл?! Дверь в наш дом выбита и держится на честном слове, там мы будем всего вдвоём, и не сможем толком защитить себя, если к нам ворвутся грабители.

– Так куда же мы направляемся?!

– В «Смачные прелести», – пояснила женщина. – К моим подругам по ремеслу. Более чем уверена, что меня они туда впустят. У нас хорошее, добротное крепкое здание, есть запасы пищи и алкоголя, небольшой склад оружия. Всё, что необходимо для осады!

– Думаешь, нам удастся переждать внутри тяжёлые времена?! – с надеждой в голосе осведомилась Белогривка.

– Конечно, милая! – потрепала дочь по растрёпанным волосам Санса, улыбнувшись впервые за долгое время.

– И туда пустят нас обоих?

– А как иначе?! – усмехнулась Вдова. – Не только у меня имеется семья, а посему и другие девочки будут приводить под кров своих родных и близких. Главное, успеть застолбить внутри двора место получше, и взять себе из арсенала что-то более существенное, нежели кинжалы.

– Хорошо! – кивнула девушка. – Идём!

Однако уйти далеко им не удалось, ибо путь им преградили четверо разбойных рож, которые, вероятно, решили воспользоваться вспыхнувшим хаосом, и урвать себе кусочек послаще. Все четверо были при оружии – дубина, два топора и нож, а посему соперниками были довольно опасными, тем более что держали свои инструменты бандиты весьма уверенно.

– Назад! – громко приказала Санса, и было непонятно, кому она отдаёт этот приказ – приближающимся разбойникам или своей дочери, которую жестом заставляла пятиться обратно.

Пусть Вдова и была известна в криминальной среде, сейчас подобное могло сыграть с ней дурную шутку. Взять хотя бы тех же самых Копыто и Чёрного Фреда, которые решили отомстить женщине, воспользовавшись ситуацией. Да и сомнительно было выиграть против четверых вооружённых амбалов, когда у тебя на руках всего один кинжал, да сомнительной боевой силы дочь, которая хоть и прикончила одного разбойника, но сделала это только благодаря подвернувшемуся случаю. Пятившаяся назад Нэт ойкнула, а затем и взвизгнула, когда спиной наткнулась на пятого разбойника, шагнувшего из проулка ей навстречу, отрезая путь к бегству. Не успела ещё Белогривка что-то сделать, как её сковало тяжёлой хваткой стальных лапищ амбала, который едва не переломал бедной девушке плечевые кости, прижимая её к себе, лишая возможности к любым движениям. Заметив, что захват одной из жертв прошёл как по маслу, лидер преступной шайки, кривой детина с приподнятой шрамом губой, усмехнулся.

– Молодец, Крап! – похвалил он верзилу, который прижимал к себе трепыхающуюся добычу, после чего посмотрел на выставившую перед собой кинжал Сансу. – Сдавайся, милочка! Твоя спутница уже у нас, и если ты не хочешь, чтобы Крап свернул её тощую шейку, то сейчас ты бросишь мне свой нож, и пойдёшь с нами!

– Что ты удумал, Клюв?! – спросила у главаря очередной разбойничьей банды женщина.

– Ты знаешь меня? – на секунду удивился тот, кого называли Клювом. – Откуда?! А-а-а, вероятно ты из этих, из Вдов, верно?!

– Верно, как и то, что у тебя и твоей банды будут проблемы, если ты не отпустишь меня и мою спутницу! – кивнула Санса.

– Наглости тебе не занимать! – усмехнулся изуродованный вожак, чья губа насмешливо и противно топорщилась, отчего уроду хотелось заехать по его морде как можно сильнее и быстрее. – Нас много, твоя подружка в заложниках, а ты всего одна! И что ты хочешь сделать?! Перебить всех нас одного за другим?! Извини, но нет! Девица умрёт быстрее, чем ты успеешь пёрнуть! Сдавайся, и я пощажу вас обеих!

– И что же за участь ты нам уготовил, позволь узнать?! – усмехнулась Санса. – Хочешь сделать из нас своих сексуальных рабынь на время эпидемии?!

– Ага! – осклабился Клюв. – И это тоже! Но лучше уж вам провести смутное время вместе с нами под боком, нежели в одиночестве на улицах трущоб!

– А потом вы нас схарчите, если дела пойдут совсем уж скверно! – предположила женщина.

– Ну уж коли совсем дерьмово будет! – развёл руками, словно извиняясь, Клюв. – Вполне, возможно!

– Ну уж нет! – нахмурилась Санса. – Только через наши трупы, подонки!

– Ну это как пожелаете! – гнусно усмехнулся разбойник, делая знак рукой своим товарищам окружать строптивую бабу, чтобы напасть на неё с трёх сторон.

И бандиты, и женщина подняли своё оружие, в то время как Белогривка попробовала было вырваться из захвата огромного верзилы, прижимающего её к себе, однако не преуспела в этом начинании, потому как силы были явно неравны.

– Зачем тебе мы, Клюв?! – попробовала последний раз договориться миром Санса. – Мы излишне строптивные и дикие! Не лучше ли захватить себе в плен кого из местных нищенок-попрошайек или черни? Там крови и хлопот будет меньше, нежели чем с нами!

– Хе, – усмехнулся разбойник. – Чего нам до грязных побирушек?! Вы-то посимпатичнее и аппетитнее будете!

После этого разбойник велел своим друзьям нападать на окружённую Вдову, однако бандиты застыли как вкопанные, глядя куда-то в сторону ближайшей подворотни. Сначала Санса не повелась на этот трюк, думая, что её разыгрывают и хотят обмануть, тем самым отвлекая внимание бандитки, чтобы атаковать её внезапно и захватить врасплох, а посему не стала оборачиваться в том направлении, куда вытаращились её враги. Однако они не только вылупились, но ещё и стали медленно отступать, уходя прочь, и Санса всё же рискнула немного обернуться в том направлении, стараясь не упускать разбойников из вида. В тот небольшой дворик, где произошло столкновение, шатаясь входил какой-то мужчина, чей подбородок был перепачкан кровью. Вид этот страдалец имел самый что ни на есть разбойный, и, судя по наметанному взору Сансы, легко мог принадлежать к Топорам, поскольку на предплечье у него обнаружилась характерная для представителей этого клана татуировка. Это и в самом деле было так, ибо перед разбойниками предстал очередной преступник, бежавший с пирса, где страже всё же удалось взять верх в кровопролитной битве, отогнав пиратов прочь, чтобы иметь возможность повредить все лодки.

– Ты кто такой?! – недовольно нахмурился Клюв, глядя на ползущего по стенке представителя Топоров. – Что это с тобой?!

Видимых повреждений на теле пришедшего не было, однако было видно, что ему плохо. Желая усилить панические настроения среди врагов, Санса громко вслух предположила, что это чумной житель трущоб, и, словно в подтверждение её слов разбойник обильно харкнул кровью, после чего привалился к стене, сползая по ней вниз. Если бы пират мог говорить, то сказал бы, что он не болеет, а только что схлопотал боевым молотом по рёбрам, отчего те задорно хрустнули и не преминули сломаться, отчего он теперь и кашляет кровью. Однако говорить ему было также больно, ибо каждый вздох и неловкое движение отдавались мучительной болью в сломанных костях грудной клетки, горевшей адским огнём. Вместо объяснений бандит смог только прохрипеть одно единственное слово «Помогите!», после чего снова харкнул кровью в сторону насторожившихся разбойников, отчего те запаниковали ещё сильнее. Двое из нападавших с паническими воплями поспешили покинуть дворик, справедливо опасаясь подхватить страшную хворобу от возможно больного Топора. Клюв сначала побледнел от страха из тех же опасений, когда кровавая слюна раненого мужчины угодила ему на башмак, а потом побагровел от гнева, бросаясь в атаку на недобитка, уползшего от стражников.

– Заразить меня вздумал, гнида?! – заорал Клюв, намереваясь зарезать несчастного Топора, замахиваясь на него ножом.

Дальше ждать смысла не было, а посему Санса рванулась к последнему оставшемуся в строю грабителю, одним ловким движением угостив его куском доброй стали под рёбра, а забрыкавшейся вновь Белогривке удалось своим затылком врезать удерживающему её верзиле по подбородку, отчего тот издал удивлённое мычание, и упал на пятую точку, выпустив из своих железных объятий белокурую девицу.

– Бежим! – схватила дочку за руку Вдова, не забыв перед этим на прощание угостить наглого амбала ударом ноги по лицу, отчего тот ушёл в глубокий нокаут.

– Стойте, сучки! – заорал позади Клюв, который уже к этому моменту успел разделаться с раненым Топором, которого все приняли за больного чумой.

Однако преследовать шустро убежавших дам никто не стал, ибо и заниматься этим было попросту некому. Бежать за ними в одиночку лидер быстро поредевшей разбойничьей шайки убоился, ибо вид зарезанного и нокаутированного товарищей говорил сам за себя – лярвы могут за себя постоять, а посему нападать на них без прикрытия опасно. Преодолев бегом несколько грязных дворов, две подворотни и захламлённую загаженную улочку, беглянки сначала перешли на шаг, а затем и вовсе остановились, чтобы отдышаться и перевести дух.

– Ну и денёк! – усмехнулась Санса. – То меня схватили, то тебя! А одних убитых уже сколько! Страсть!

– Какой кошмар! – всхлипнула Нэтали. – Этот урод, что меня обездвижил, лапал в разных местах!

– Мужланы! – вздохнула Вдова, после чего прижала к себе дочь, начиная гладить её по голове. – Ну, тише, милая! Тише! Всё уже прошло! Мама не даст тебя в обиду!

– Что мы теперь будем делать?! – всхлипнув, спросила Белогривка.

– Отправимся в бордель, что же ещё? Я же тебе уже об этом говорила!

– Но это не выход из ситуации!

– Не выход, – согласно кивнула Санса. – Но других предложений у меня нет! А у тебя?

– Дюмон, он...

Вспомнив о своём парне, Нэтали снова всплакнула, поскольку любила его всем сердцем, и опасалась за его здоровье. Где он сейчас? Жив ли? Здоров или уже начинает болеть? Или пока ещё рано говорить о том, заразился он или нет? Кроме того, Нэтали надеялась на то, что её мать не знает и не догадывается о том, с кем её дочь старается встречаться тайно без её ведома.

– Что ещё за Дюмон? – с интересом посмотрела Санса на свою девочку.

– Мой знакомый контрабандист, – выкрутилась та.

– А не твой парень, случайно? – усмехнулась Вдова, и поняла, что попала в самую точку, глядя на стремительно алеющие щёки дочери.

– Так вот, Дюмон, – проигнорировала верное попадание Нэтали. – Он мне рассказывал, что на улочной отмели у него в песке зарыт мелкий двухместный ялик. Мы могли бы попробовать его откопать и сплавиться вниз по течению или перебраться на другой берег.

– Это, конечно, хорошая идея, – кивнула мигом посерьёзневшая Санса. – Однако не забывай о том, что стало с теми, кто пытался проплыть мимо стражи. Их лодчонки повзрывали без всяких разговоров при помощи магии. Ниже по течению из города наверняка сторожит крупное патрульное судно, либо они и вовсе опустили решётку или натянули цепи, чтобы преградить путь наружу из города по воде. А вот перебраться на тот берег попробовать стоит, но точно не сейчас, при свете дня. Только под покровом ночи!

– Но пока мы ждём вечера, лодку могут откопать другие контрабандисты, которые о ней осведомлены, – возразила ей Нэтали. – Если идти за ней, то сейчас!

– Это самоубийство чистой воды! – нахмурилась Санса. – Во-первых, по берегу сейчас шныряет стража, если ты вдруг запамятовала. Во-вторых, если кто-то увидит, как мы переносим с места на место лодку, то у нас тут же попробуют отнять её силой. Ну и, в конце-то концов, чем ты предлагаешь её откапывать – голыми руками?!

– А почему бы и нет?!

– Нет, забудь про это! – покачала головой Вдова. – Если нам понадобится – мы отправимся туда ночью. А пока пошли в бордель, чтобы не болтаться по улицам – тут опасно!

И правда, не успела она закончить, как неподалёку послышались звуки очередной ожесточённой схватки, но узнавать её причины и наблюдать за ходом сражения дамы не решились, продолжая дальнейший путь по направлению к Смачным Прелестям, где должны были приютить Вдову и её дочь.

– Люди как с ума посходили! – вздохнула Нэтали, когда в очередной грязной подворотне им попался ещё один труп со следами множественных ножевых ранений.

– Известия о чуме, да ещё и изоляция сделали своё тёмное дело! – мрачно ответила Санса. – Но я надеюсь, что все наши беды остались далеко позади, ибо мы уже пришли.

Дамы остановились перед двухэтажным деревянным строением, над входом в которое на небольшом ветерке покачивалась вывеска, изображавшая неприлично полногрудую и задастую фемину, которая самым неподобающим образом старчески скрипела давно не смазанными петлями. Белогривка с тревогой посмотрела на здание, ибо внешний вид его пришёлся

ей не по нраву. В одном месте на стене обнаружился кровавый отпечаток ладони, в другом торчала арбалетная стрела, все окна закрыты ставнями, а внутри слышится подозрительный стук, который Санса объяснила тем, что лагерь Вдов сейчас скорее всего укрепляют для долгосрочной осады. Постучавшись в закрытую дверь, женщина представилась и потребовала её впустить, на что изнутри донёлся подозрительный шёпот, хищный металлический шорох, с каким обычно лезвие покидало ножны, а в окне второго этажа блеснули чьи-то глаза в полумраке затенённого помещения.

– Всё в порядке! – раздался голос сверху. – Свои! Открывайте!

Дверь со скрипом приотворилась, и дамы быстро шмыгнули внутрь, в то время как выглянувшая наружу девица, вооружённая двуручным посохом, нахмурилась, глядя на скрипевшую вывеску. Недолго думая, она с размаху зарядила своим оружием по табличке, сбивая её на землю, чтобы избавиться от надоедливого скрипа, который, казалось, оглашал всю улицу. Шустро подняв с пыльной мостовой осколки, девушка шмыгает обратно в помещение, и двери за ней сразу же закрываются...

Глава 2

– Это кто такая?! – нахмурился владелец постоялого двора и борделя «Смачные преле-сти», а также негласный лидер бабьей банды, известных в миру как Вдовы.

Мужчина этот в заведении был в единственном числе, ибо все остальные служащие внутри оказались прекрасного пола, совмещая по две, а то и по три профессии сразу. Большая часть обитавших внутри борделя дам работала по назначению, ублажая мужчин за деньги, в то время как особо одарённые ещё занимались стряпнёй, орудуя на кухне, булькались как прачки, либо меняли простыни на плащи, отправляясь в город чинить разбой и насилие, зарабатывая для себя и своего патрона монеты не вполне законными способами. Звали мужчину не по имени, а по прозвищу Мизинец, и причин на то было две. Первая, так это отсутствие данного пальца на одной кисти, который ему в своё время отрезали из-за долгов. Второй возможной причиной данного позывного стал возможный размер хозяйства владельца борделя, который был не больше того самого пресловутого мизинца, но спрашивать об этом у мужчины точно не следовало, если вам была дорога ваша жизнь, потому как плешивый Мизинец отлично управлялся с палицей и мог легко раскроить вам за подобное нахальство череп. Ну или свистнуть своим дамам, которые вмиг вас поставят на ножи. Поскольку каждую свою подопечную Мизинец муштровал часами, обучая владению различными видами оружия, то и вышибал в Смачных Прелестях отродясь не бывало – сами куртизанки легко могли унять любой бунт и кутёж внутри, потому как никогда не расставались со своими кинжалами, коими владели в совершенстве, обучаясь не только ими колоть и резать, но и метать их в цель.

Само заведение и до хаоса не блистало красотой, так как это было попросту излишне. Зачем устраивать внутри низкопробного борделя роскошную обстановку, если тут не только занимаются плотскими утехами, но ещё и ломают друг другу носы, выплёскивают из себя излишки не особо качественного алкоголя прямо на пол и столы, бузят и кутят? Кроме того, любую ценную вещь в Дыре нужно было прикручивать к полу, не забыв при этом про ловушки, ядовитых змей, вышибал и иже с ними, чтобы отбить у различных воришек любую охоту даже смотреть в сторону вожаемой добычи. Посему убранство общего зала было простым, грубоватым, и не особо функциональным (чтобы самые заядлые пропойцы не думали спать за столами и на лавках, ибо просто так занимать места в борделе, значит лишиться части возможной выручки). Высокая стойка бармена в одном из углов, за ней виднеется небольшой штабель бочек с выпивкой, вход в служебные помещения и странный деревянный манекен, на котором, как пояснила позже Санса, Вдовы отрабатывали удары кинжалами и прочие приёмы на заднем дворе в свободное от службы время. Все столы в заведении довольно грязные, часть из них качается, лавок тут нет как таковых, дабы на них никто не вздумал спать или ими драться. Только колченогие табуреты, дышащие на ладан, пол, покрытый опилками, да кособокие светильники с оплывшими огарками затушенных свечей, отчего сейчас в помещении царил интимный полумрак.

– Так кто это такая, Санса?! – повторил свой вопрос Мизинец, ткнув в сторону Бело-гривки своим грязным пальцем. – Твоя дочь?

– Да, – кивнула Вдова, не вдаваясь в подробности.

– Это значит, ещё один лишний рот, – скривился владелец борделя, стучая по раскрытой ладони шипованной частью своей палицы.

– Ничего подобного! – нахмурилась Санса. – Моя Белогривка очень сообразительная и толковая девочка, и из неё выйдет толк. Она сегодня прирезала Копыто из банды Кирпичников, между прочим!

– Копыто? – недоверчиво покосился на застывшую у стены девицу Мизинец. – Копыто же здоровый, как ёб твою мать! Как это возможно?

– Даром, что ли, я её учила владеть оружием в своё время! – усмехнулась Санса.

– А я тебя! – улыбнулся мужчина. – Ладно, возьмём мы твою девчонку на содержание, но учтите – халявы никакой не будет! Сейчас, почитай, военное положение в городе. И каждый из нас будет пахать как проклятый, чтобы пережить этот кризис.

С этими словами он кивнул в сторону небольшого женского отряда, который явно собирався на дело, ибо дамы облачались в кожаную броню, вооружались, запасались объёмными мешками, а также проверяли прочее снаряжение. Санса при виде подруг улыбнулась, помахав им рукой, в то время как Нэтали лишь качала головой, ибо ей все эти приготовления пришлись не по душе. Раз готовят оружие и броню, значит, намечается кровопролитие, а их и так уже сегодня было больше, чем предостаточно. Участвовать в бою Белогривке не хотелось, но и вылетать из заведения наружу также было боязно, ибо снаружи и правда творился сущий бардак – жители метались по району, как вшивые по бане или даже хуже. Каждый вопил, кричал, мчался куда-то сломя голову. Один раз рядом с борделем разгорелась скоротечная схватка, причина которой, как и исход, остались неизвестными, ибо тот участок, где проходил бой, из заколоченных наспех окон был не виден.

– Собирайся, Санса! – приказал женщине владелец заведения. – Выступишь вместе с прочими на охоту!

– Не самый подходящий момент ты выбрал для мести или грабежей, Мизинец!

– Мы не отправляемся выбивать долги или убивать кого-то под шумок, как ты думаешь! – вздохнул мужчина, потеряв свой лоб. – Нет! Нам срочно нужны припасы. Если вам их продадут – отлично, заплатите за них деньгами. Если нет – отберёте силой. Время сейчас такое, что вода и еда быстро станут ценнее золота, ибо вряд ли наше правительство будет присылать в трущобы обозы с провиантом. А посему беги в арсенал, получай там свою броню, бери тяжёлое оружие и марш на выход!

– А куда мы хоть отправляемся-то? – поинтересовалась перед уходом Санса.

– Амбары у городской стены, бакалея Моисея, и на ферму Доджо, хотя я надеюсь, что нам улыбнётся удача с зернохранилищем или магазином. С первой точки нам нужно зерно, со второй любой провиант, а с фермы тащите всех гусей, поросят и курей, каких только сможете.

– Ты очумел?! – возмутилась тут же Санса.

– Типун тебе на язык! – окрылся Мизинец. – Не говори этого слова в моём заведении!

– Хорошо, – кивнула женщина, понимая, что слово на букву «ч» и правда лучше не произносить, дабы не приманивать этой хвори под кров этого дома. – Скажу иначе. Ты совсем ополоумел?! Ферма Доджо! Ты это серьёзно?!

– Более чем! – кивнул хмурый кабатчик. – Потому и поставил его в конец списка. Не переживай, всё что вы слышали об этом месте – пьяные бредни и досужие сплетни! Может статься так, что это вообще наш последний вариант!

– Может, лучше сунуться в Ремесленный район и ограбить тамошних мастеровых? Мастерскую взломать будет проще, нежели сражаться с Доджо и его сыновьями!

– Зато у фермы не будет конкурентов! – возразил ей Мизинец. – Или ты боишься?!

– Вот ещё! – фыркнула Санса. – Дашь нужного оружия – одолеем и Доджо!

– Вот и отлично! – улыбнулся её Мизинец. – С едой вопрос закрыт. С водой проблем нет, так как наш погреб забит пивом под завязку. Ну, не нужно морщиться! Да, не помешала бы вода, но что делать, если поблизости нет толковых источников? Сойдёт и пиво, тем более что его действительно много, и хватит не только на готовку, но даже и на помывку. Если же вам удастся по пути раздобыть лошадь и телегу – будет вообще шикарно! В таком случае могу вам вручить пару бочек, отправитесь с ними к колодцу! Бегать же туда без лошади на своих двоих с вёдрами и кувшинами считаю занятием глупым и опасным.

– А что, наша конюшня сейчас пуста?

– Увы и ах! – развёл руками Мизинец. – Да, я понимаю, что не вовремя, но я отправил нашу Розмари верхом на одно важное поручение, а посему вам предстоит как-то выкручиваться самим. Либо тащить всю добычу на своих горбах. А теперь дуй переодеваться, потому как время не стоит на месте! И если мы не придём за едой, то это сделает кто-то другой! Ну! Живо!

– Я возьму свою дочь с собой! – сразу же предупредила хозяйина Санса.

– Как тебе будет угодно! – поднял руки тот.

– Мне нужна броня и на неё!

– А вот это уже наглость! – заметил Мизинец, но под пристальным взглядом женщины стушевался, начиная бубнить и мямлить, что было истолковано всеми как знак согласия.

– Пойдём, милая! – потянула в сторону служебных помещений свою дочь Вдова.

Естественно, что Нэтали и не думала сопротивляться, поскольку не хотела оставаться в борделе без матери, однако и выходить наружу обратно так же не желала. Однако если выбирать из двух зол, то она предпочитала не разделяться, чтобы не потерять единственного близкого ей человека, а посему собиралась с духом, готовясь отправляться обратно на улицы трущоб. Следующим помещением за кухней и кладовой оказалось нечто вроде склада, заполненного добротной бронёй и оружием. Тяжёлых доспехов тут отродясь не водилось, да и носить их дамам было не сподручно, поскольку ценой они разительно отличались от кожаных, да и носить их без должной сноровки и обучения было намного сложнее, как и облачаться в них, а в Дыре зачастую побеждает тот, кто мобильнее, а не кто сильнее. Кроме того, сложно кого-то соблазнять, когда ты весь упакован в сталь с головы до ног, в то время как большинство кожанок не так сильно скрадывают соблазнительные фигурки точёных воительниц.

– Поди-ка сюда, милая! – сказала Санса, бегло осмотрев оставшиеся на складе экземпляры доспехов. – Вот этот чёрная плотная куртка должна тебе подойти. Надеть сама сможешь?

Вместо ответа девушка только кивнула, на что Вдова улыбнулась, начиная сбрасывать с себя платье, чтобы вместо него надеть кожаную клёпаную броню и лёгкую рубаху-поддоспешник со штанами. Когда с переодеванием было окончено, Санса не преминула сменить свой кинжал, убрав его в поясные ножны, заменив его коротким мечом, а также убрав про запас кастет с шипами. Дочери же она вручила последний из оставшихся в арсенале арбалетов, бегло показав и проинструктиввав ошарашенную девушку как им необходимо пользоваться. Перезаряжать его для Белогривки оказалось сущим мучением, ибо никакого рычага к оружию не прилагалось, а тетива оказалась такой тугой и непослушной, что зацепить её в нужное положение удалось лишь с пятого раза, при этом едва не порезав себе тонкие пальцы в кровь.

– Может, не стоит мне его брать?! – жалобно спросила Нэтали у матери, когда проклятый арбалет оказался ею с большим трудом заряжен. – Я ведь даже ни разу из него не стреляла!

Словно в подтверждение её слов тяжёлая тетива звонко дзынькнула, когда девушка нечаянно нажала на спусковую скобу. Будь оружие заряжено, то сейчас бы снаряд перекочевал из своего паза в стену комнаты, но, к счастью, накладывать стрелу пока не стали.

– Вот видишь! – жалобно вздохнула Белогривка после того, как испуг (и вызванный им произвольный визг), поутих. – Я чуть себе руку не прострелила!

– Так ты им размахивай поменьше! – хмыкнула её боевая мать, привычная к подобным казусам. – А ну дай его сюда, и смотри!

Забрав у дочери арбалет, Вдова сноровисто упёрла его в пол, вдев носок своей туфли в скобу стремени, быстро и без видимых усилий вернув тетиву в настороженное состояние, после чего вернула его обратно.

– Вот так его нужно заряжать, а не упирать прикладом себе в живот! Будешь тыкать им в себя – набьёшь синяков или чего похуже. Пробуй ещё раз!

С опаской нажав на спуск, Нэтали вздрогнула, но визжать теперь не стала, после чего, понукаемая опытной матерью, стала заряжать оружие обратно. Прodelав эту манипуляцию

несколько раз, Белогривка всё же порезала себе один из пальцев грубой тетивой, однако научилась более или менее сносно и споро заряжать своеоравное оружие. Однако этого было мало, ибо недостаточно знать и уметь взводить тетиву, ещё неплохо было бы научиться и стрелять по целям (желательно, движущимся), что также было довольно тяжёлой наукой. Но заниматься подобным образованием сейчас было попросту некогда, ибо до слуха дам уже донеслись призывные кличи от заждавшихся в общей зале Вдов, собиравшихся уходить на дело, и недовольных тем, что им пришлось порядком задержаться из-за замешкавшегося пополнения.

– Главное, держи арбалет всегда на виду у соперников, – наущала Санса свою подопечную. – Вид заряженного самострела обычно здорово охлаждает горячие головы и наводит страх. Надеюсь, что стрелять тебе вовсе не придётся, однако если что – будь готова пустить оружие в ход. Лучше бить наверняка, а посему на дальние дистанции даже не пытайся стрелять – всё равно не попадёшь. Тут без сноровки никак! Но если что, я всегда тебя подстрахую, моя прелесть!

С этими словами Вдова раскрыла в своей ладони небольшой веер из метательных кинжалов, которые после этой демонстрации спешно рассовала по специальным чехлам на поясе.

– Ну же, смелее, девочка моя! – ободряюще улыбнулась мать. – Ты же всегда только о том и говорила, что хочешь пойти по моим стопам и влиться в банду! Я же всегда тебя отговаривала, но теперь твоё присутствие среди Вдов продиктовано суровой необходимостью! Ладно, пошли! Негоже заставлять наших сестёр ждать, когда нам всем предстоят суровые испытания. Ты самое главное держись рядом со мной, в драку не лезь, и не забывай, что арбалетом также можно дать по морде в том случае, если он разряжен, а сменить оружия ты не успеваешь. И никому не говори, что у тебя нет никакого опыта в его использовании – быстро отберут!

С этими словами мать и дочь вышли в общую залу, где все прильнули к заколоченным окнам, вглядываясь в то, что творилось снаружи на улице. Мизинец нервно, совсем по-мальчишечьи, шмыгнул носом, поставив свою палицу на пол, прислоняя её к стене, после чего не глядя требовательным жестом протянул освободившуюся ладонь по направлению к Белогривке. Тем самым он просил вложить ему в руку замеченный им арбалет, однако Нэтали, не привыкшая к языку жестов, попятилась назад, испугавшись того, что её хотят потрогать. Заметив это, Санса быстро шепнула на ухо дочери необходимую команду, и прежде чем Мизинец успел рассердиться и обернуться назад, затребованное им оружие всё-таки легло ему в руку. Однако мужчине всё же пришлось выругаться, ибо стрелы в пазе не оказалось, и он гневно сверкнул глазами по направлению смущённой Нэтали, которая тотчас протянула ему колчан. Вытянув из него один снаряд, Мизинец спешно пристроил его на место, после чего вернулся к окну, продолжая наблюдать за происходящим снаружи. Как успела заметить мать и её дочь, лица у всех присутствующих были крайне напряжённые, а в глазах застыла смесь страха и решимости. Ладони лежали на рукоятках орудий, а ещё две девушки несли стол, желая им подпереть главную дверь в случае надобности.

– Что там? – тихим шёпотом спросила у подруг Санса, прильнув к одному из заколоченных окон, после чего так же тихо выругалась.

Нэтали не оставалось ничего иного, как пристроиться рядом с Мизинцем, ибо тому могли потребоваться новые стрелы в случае атаки, а колчан по-прежнему был у девушки. Кроме того, все остальные места у окон были заняты, а рядом с мужчиной можно было пристроиться и суметь выглянуть наружу в небольшую щель. Увиденное Белогривке тоже не понравилось, хотя она не понимала и не знала всей сути происходящего. А снаружи, тем временем, трое мужчин в чёрных балахонах и клювастых масках приступили к выбиванию двери противоположного дома, врываясь вовнутрь. Когда двое из них скрылись в помещении, третий остался дежурить снаружи, повернувшись кругом, осматривая пустынную улицу и окна борделя. При виде этого все Вдовы и их начальник подались назад от окон, поскольку в ладонях у неизвестного обнаружился небольшой стеклянный жезл, которым тот постукивал себя по ладони.

– Чумной доктор! – выдохнул Мизинец сквозь зубы, утирая со лба пот. – Чёрт бы их всех побрал!

Услышав это, Белогривка похолодела от страха, ибо страшилками об этих садюгах пугали всех детишек Дыры, угрожая, что подобный работник ланцета и факела может явиться посреди ночи, чтобы провести свой зловещий ритуал осмотра. Эти сотрудники аналога эпидемиологической службы обязаны были реагировать на все случаи неизвестных заболеваний, особенно инфекционной природы, чтобы остановить их распространение любой ценой, даже если ради этого всех заражённых придётся согнать в один амбар и сжечь там заживо. Большая часть чумных докторов кроме отличных знаний медицины могла похвастать также и владением магией, а часть из этих умников и вовсе была некромантами и демонологами, поскольку это помогло им работать во вспышках чумы, холеры, тифа и прочих мерзких заболеваний, поскольку им в этом случае могли ассистировать нечувствительные к болезням оживлённые мертвецы и одержимые. Редко, крайне редко эти пугающие фигуры в чёрных как смоль костюмах с плащами и лицевыми клювастыми масками ходили по улицам Белокамня, но когда это происходило, паника поднималась до небес. Долго разбираться с заболевшими было не в порядке вещей для чумных докторов, и всех, у кого на телах обнаруживались какие-либо язвы, нарывы, фурункулы и иные отклонения от нормы, всех, кого лихорадило или ломало иным образом, таких обычно быстро изолировали для последующего наблюдения или уничтожения – всё зависело от конкретной ситуации. Поговаривают, что во время последней эпидемии чумы, которая случилась чуть менее полувека назад, всех заболевших сжигали прямо в их домах, поскольку вылечить несчастных не было никакой возможности. Пострадавших баррикадировали в их же жилищах, после чего постройки предавали огню, магическому или обыкновенному, но суть была не в его природе и происхождении. Если времени было в обрез, чумным докторам было разрешено убивать возможных носителей и распространителей инфекции даже посреди улицы, что те охотно и выполняли, поскольку возиться с кострищами было очень накладно. Пока ты возишься с дверями и окнами, заваливая их баррикадами или запечатывая при помощи магии, обезумевшие от ужаса горожане могут покинуть здание через крышу или пробив пролом в стене – случаи уже бывали.

Поскольку надеяться на снисхождение было невозможно, а выявленная зараза горожанами упорно именовалась чумой, то и сейчас, стало полагать, церемониться с захворавшими доктора не станут, уничтожая всех страдальцев на месте, методично обходя район за районом, обследуя дом за домом. Таким образом власти старались ликвидировать очаги до того момента, когда огонь вспыхнувшей эпидемии не пересилит пожарищ погребальных кострищ. В том же случае, если ситуация переходила в разряд безнадежных, можно было сразу заканчивать своё существование самостоятельно, ибо тогда насильственному уничтожению подлежали все жители подряд без разбирательств, и делалось это каждый раз новым способом и весьма изобретательно. Во время последней эпидемии чумы все трупы были подняты некромантами и сразу же отправлены на фронт, линия которого к тому моменту как раз проходила через столичный город, ибо Белокамень в тот год находился в осаде. Чумная нежить была брошена в атаку на войска неприятелей, изрядно подкосив их силы сначала физически (типа откусывания пальцев, голов, вырывания потрохов и тому подобное), а потом и при помощи болезни, когда выжившие начали заражаться чумой, отчего в осадных лагерях также вспыхнула эпидемия.

Судя по женским воплям, которые стали доноситься из противоположного дома, ничего хорошего в обыскиваемых помещениях не происходило, скорее – наоборот. Местных жителей начали подвергать принудительным досмотрам, и результаты, судя по всему, были не очень хорошими, ибо выбежавшей из дома девушке между лопаток прилетела арбалетная стрела, и бедняжка упала на пыльную разбитую дорогу лицом вниз, не подавая признаков жизни. Вышедший из дома отстрелявшийся арбалетчик в клювастой маске сейчас занимался тем, что

спокойно перезаряжал свой самострел, готовя его к новому выстрелу. Следом за ним вышел и третий доктор, а потом наружу бросился какой-то парень, вооружённый ножом. Вероятно, молодой человек хотел отомстить обидчикам за смерть своей жены, сестры, дочери или иного близкого человека, чей труп сейчас лежал у порога дома, однако он явно переоценил свои силы, ибо умер раньше, чем успел добежать до врагов. Новая арбалетная стрела, и вот уже несостоявшийся мститель падает наземь, стекая по стене своего же дома, оставляя на ней кровавые разводы.

– Ты чего это удумал, подонок?! – глухим голосом из-под маски осведомился арбалетчик, начиная повторно заряжать своё оружие. – Тебе повезло, что на тебе нет признаков болезни, но ты упрямо лезешь на рожон!

– Вы убили мою жену и сына! – прохрипел тот с земли. – Что мне ещё оставалось делать?!

– Тебе повезло, что их уничтожили до того момента, когда они начали страдать по настоящему! – склонился над ним доктор, перед этим не забыв выбить из ослабшей ладони нож, и взяв мстителя на прицел своего арбалета, готовый в любой момент нажать на спусковую скобу. – Они умерли без лишней боли и страданий, как люди, а не как обезумевшие звери. Через несколько дней твои родные начали бы страдать по настоящему, когда у них образовались бы гноящиеся нарывы, а сами они стали кашлять кровью. Они бы заразили тебя, и, возможно, кого-то ещё. Мы, можно сказать, спасли тебя от этой участи, как и десятки или сотни ваших соседей по кварталу.

– Но моему первенцу же только исполнилось два годика! – завыл в отчаянии мужчина.

– Болезнь не выбирает, парень! – пожал плечами доктор. – Мне очень жаль!

– Паскуды! – рванул с места обезумевший от горя отец, мигом лишившийся своей семьи, намереваясь отомстить за своих близких, однако сразу же рухнул обратно, получив в грудь вторую стрелу.

Харкнув кровью, он повалился наземь, после чего начал на ней слабо барахтаться и извиваться, намереваясь подползти к докторам, одержимый жаждой мести. Понятное дело, что в этом начинании он не преуспел, быстро убитый присевшим к нему мужчиной, после чего чёрная троица переглянулась между собой. Ни слова ни говоря, труп главы семейства втащили обратно в дом, после чего закрыли дверь, начиная заколачивать её снаружи, намалевав у входа большой белый крест, обозначающий, вероятно, рассадник заразы, подлежащий сожжению. Когда с этим было покончено, доктора переместили свои взоры по направлению к борделю, где усиленно потели его криминальные обитатели.

– Может застрелим их, пока эти ублюдки ничего не подозревают? – тихо спросила у Мизинца одна из бандиток, которая также была вооружена арбалетом и выцеливала подозрительную троицу уже долгое время.

– Нет! – грозно распорядился мужчина. – Не смей! Того, кто начнёт бой с нашей стороны и спровоцирует докторов на агрессию – ту я лично убью голыми руками! Ждём команды!

А снаружи, тем временем, последовало короткое совещание, после которого чёрные фигуры направились к Смачным прелестям, намереваясь попасть вовнутрь закрытого заведения.

– Ещё не поздно убраться отсюда чёрным ходом, Мизинец! – прошептала Санса. И по взглядам большинства Вдов стало понятно, что они поддерживают эту идею. – Убраться с тем, чтобы вернуться сюда позже!

– Нет! – мотнул головой тот. – Мы остаёмся!

– Да, но зачем?! Зачем рисковать и подвергать себя ненужному риску, когда можно просто...

Договорить бандитка не успела, ибо в дверь громогласно постучали так, как могут это делать только начальники или грозные проверяющие.

– Открывайте! – раздался зычный голос снаружи. – Именем короля Вигора и королевского Совета! Проводится поголовный медицинский осмотр всех горожан с целью выявления заражённых! В случае отказа мы имеем право сжечь ваш дом, как потенциально опасный! Считаю до десяти!

– Не нужно ничего считать и поджигать! – громко ответил им Мизинец, который уже пихнул арбалет обратно Нэтали в руки, не забыв его перед этим разрядить, и дать всем знак убрать оружие. – Сейчас я отворю вам вход!

И правда, слова и поступок мужчины не стали расходиться между собой, когда он приоткрыл дверь, приглашая чумных докторов войти вовнутрь. Правда перед этим он дал своим подчинённым знак быть настороже, и быть готовыми к сражению.

– Прошу вас, заходите! – Мизинец слегка приоткрыл дверь, впуская непрошенных гостей, которые только что убили троих невинных жителей прямо на глазах у всех присутствующих. – Только сначала покажите ваши жетоны!

– Зачем вам наши жетоны?! – удивился первый из докторов, поскольку не привык к тому, чтобы у него хоть кто-то когда-то запрашивал удостоверения, ибо уже был приучен, что лишь при одном виде его униформы все горожане разбежались кто куда, словно крысы и тараканы при виде человека.

– Как это – зачем?! – пришёл черёд бармена удивляться непонятливости служащего. – А если вы подставные какие, либо поддельные?!

– Гм... Гм! – замялся врач. – Справедливо! Вот, смотрите!

Блеснувший в полумраке входа значок и правда оказался самым что ни на есть настоящим, ибо на нём светилась чёрным цветом (оказывается, бывает и чёрное сияние, хотя представить его себе очень и очень сложно!) специфическая руна, подделать которую было практически невозможно. Именно таким знаком всегда отмечался король Вигор, а также наделял им своих особых агентов, действующих по его повелению, и перечить подобному человеку не просто запрещалось, а приравнивалось к особо тяжкому преступлению. Эта руна была самым лучшим пропуском во многие места, и обладать ею хотели многие прохиндеи, в том числе и сам Мизинец, ведь подобный предмет может помочь ему покинуть зону карантина. Именно так думала Санса, готовая в любой момент выхватить из ножен метательные кинжалы и пустить их во ход, однако она прогадала, ибо мужчина уже упустил удобный для нападения момент, позволив докторам беспрепятственно войти в зал. Их для себя Нэтали окрестила как Стрелок (вооружённый, соответственно, арбалетом), Чародей (державший в руках жезл) и Страж, который единственный из всех был вооружён оружием ближнего боя – большой секирой, которой он мог с одинаковым успехом прорубать запертые двери и окна, а также сносить головы с плеч. Пугало в его оружии не только размер лезвия, но также и то, что оно было покрыто запекшейся кровью, и, судя по всему, уже стало причиной чьей-то гибели.

– Нам нужно осмотреть всех присутствующих на предмет возможных признаков заразной болезни, – доложил глухим бесстрастным голосом Чародей, постукивающий по ладони своим жезлом. – Перед нами все присутствующие в этом доме граждане?

– Все! – кивнул Мизинец, который совершил беглый осмотр, отметив, что число его Вдов осталось прежним, однако упустив из виду, что он посчитал вместо одной из своих сотрудниц Белогривку, которая теперь была одета на разбойничий манер.

– Раздевайтесь! – безапелляционным тоном приказал Чародей. – Любого, кто уклонится от осмотра, имеем право уничтожать на месте!

– А вы не боитесь, что мы вас можем уничтожить в любой момент?! – хищно осведомилась одна из Вдов. – Нас всё-таки больше, да и вооружены мы не в пример лучше, нежели те трое несчастных из противоположного дома!

– Вы всегда можете попытаться напасть на нас, мисс, – ответствовала ей клювастая маска доктора, повернувшаяся в её направлении. – Однако я не гарантирую того, что в этом случае

хоть кто-то останется жив, ибо магического взрыва ещё никто не отменял, и каждый из нас знает, на что идёт, когда направляется на это задание. А теперь, вы должны ответить себе на один вопрос – оно вам надо?

– Никаких взрывов в моём заведении! – нахмурился тут же Мизинец. – И никакого самоуправства, Сдоба! А ну живо скидывайте с себя одежды!

После чего хозяин заведения подал пример своим сотрудницам, первый начиная разоблачаться, чтобы его могли осмотреть господа врачи. Бегло осмотрев мужчину при помощи фонаря и пощупав его в разных местах, доктор кивнул, после чего разрешил одеваться.

– Чисто! – сказал он коллегам, и стало слышно, как облегчённо вздохнул вспотевший от переживаний бармен. – Кто следующий?

В итоге разоблачаться пришлось и всем прочим, ибо Мизинец после осмотра открыто заявил своим дамам, что все, кто не желают проходить осмотра, могут убираться из его заведения прочь.

– Не хочу пережидать эпидемию под одной крышей с возможными больными! – пояснил он, и стало понятно, почему владелец борделя позволил докторам войти внутрь – чтобы дать тем возможность провести подобный осмотр для выявления заразы.

Делать оказалось нечего – выселяться наружу не захотелось никому, а посему барышням пришлось раздеваться, чтобы позволить докторам быстро себя осмотреть. Заминки последовало всего две. Первая случилась, когда осматривали Сдобу – довольно полненькую чернявую девчушку, которая первая выказала неудовольствие, заявив, что доктора рискуют, поскольку против них набирается намного больше людей.

– Ну чего уставился?! – хмыкнула девушка, прикрывая срам одеждой. – Думал, что это у меня сыпь возле интересного места, да?! А эта татуировка оказалась! Всё, я свободна?!

– Да, можете одеваться! – махнул рукой Чародей, который сначала было принял находку за симптомы болезни, отпрянув назад.

– Обычно за просмотр денег беру, – хмыкнула Сдоба. – А уж за лапание своего тела – и подавно! Но для тебя, так уж и быть, сделаю исключение. Забегай сюда как-нибудь после эпидемии, милоч! Поговорим по душам, полежим в своё удовольствие, я тебе ещё кой чего покажу или сама тебе осмотр проведу...

Закашлявшийся чумной доктор сразу же дал понять, что его всё же удалось смутить, поскольку он поперхнулся, но быстро взял себя в руки, после чего вежливо поблагодарил девушку, продолжив дальнейший осмотр. Второй заминкой стала подозрительная находка у девицы под прозвищем Мятка, потому как девушка обычно пила все напитки вместе с листочками этого душистого растения. Чародей долго щупал паховую область пациентки, на что та начинала то глупо блаженно улыбаться, то хмурилась, пока доктор не выдал своего вердикта.

– Узлы увеличены! – встал, наконец, с колен мужчина. – Может быть первая стадия заболевания!

Эти слова прозвучали как гром посреди ясного неба, ибо находиться в одной компании с потенциальным носителем инфекции не хотелось никому.

– Но может и не быть, ведь так?! – сразу же побледнела Мятка.

– Может и не чума! – кивнул врач. – Такое случается при половых заболеваниях.

– Ну вот видите! – выдохнула обрадованная девушка, для которой сейчас подобный вариант казался самой настоящей манной небесной. – Я же продажная девка, а посему чего ещё от меня ожидать? Конечно, это какой-то из мужиков наградил меня чем-то срамным, и я...

– Мы не можем так рисковать! – глухо ответила маска Чародея. – Сегодня это простое увеличение узлов в паху, завтра это нарывы на их месте и истекающий гной, а через пару дней вы можете начать кашлять кровью и заразить всех своих подруг! Исключений быть не может!

– Вы девушку из дома напротив и ребёнка убили по таким же подозрениям?! – побледнела перепуганная Мятка, отступившая на пару шагов назад.

Насторожившийся Стрелок уже поднял свой арбалет, чтобы взять подозрительную девушку на прицел, Страж изготовил своё оружие к бою, а стеклянный жезл чародея начал потихоньку светиться. Казалось, ещё секунда, и врачи набросятся на девицу, что твои церберы, но тут вмешался сам Мизинец.

– Господа-господа! Подождите минутку! Я ни в коей мере не желаю продолжать находиться вместе в компании потенциальной больной, но нельзя же вот так просто уничтожить живого человека лишь только благодаря одним подозрениям! Может она страдает от срамного недуга, но никак не от чумы!

– Мы не можем рисковать, извините! – покачал головой Чародей, жезл в руках которого начал разгораться нехорошим красноватым сиянием.

В ответ на это в руках Мятки тотчас возникли из ниоткуда два ножа, хотя откуда она их достала было очень странным, ведь девушка стояла перед врачами нагая. Она было рванула в сторону ближайшего мужчины в противочумном костюме, заноса орудия для удара, вероятно решив тем самым продать свою жизнь подороже, спровоцировав бойню, в которой должны были участвовать и прочие разбойники, ибо среди неосмотренных остались ещё две девицы, которые до жути боялись разделить участь своей подруги.

– Погодите-погодите! – зачастил тут же Мизинец, успев-таки вклиниться между Чародеем, который уже был готов активировать свой жезл, и обезумевшей от страха Мяткой, и только это спасло заведение от неминуемой бойни или взрыва. – Подождите, вашу мать! Хватит резать и жечь всех налево и направо! Мятка, опусти своё оружие! Слушайте меня! Мы можем предложить альтернативу – я согласен запереть свою сотрудницу в подвале до тех пор, пока не выяснится, больна она или нет. Каков срок развития болезни?

– До седмицы, – хриплым голосом ответил чумной доктор. – За это время узлы увеличиваются, кожа над ними краснеет, становится горячее, а потом очаги вскрываются, и наружу течёт гной. Он очень заразен. Может развиваться воспаление и других органов, и тогда её поразит горячка, судороги, начнётся кашель с кровью. И тогда она станет опасна для окружающих, потому как все патологические выделения больных крайне заразны.

– Хорошо, я понял! – кивнул головой Мизинец. – Но если никаких этих проявлений у девушки не будет, значит она не заразна?

– Некоторым людям и тем более нелюдям может требоваться гораздо больший срок для проявления болезни...

– Хорошо, – тут же согласился с доктором бармен. – Две седмицы. Я согласен держать её в подвале весь этот срок, потому как не желаю распространения болезни среди прочих дам, да и себя я люблю однозначно больше. Но и Мятку не хочу убивать ни за что, ни про что! Возможно, это обычный сифилис или чего там ещё бывает?

– Не исключено! – кивнул Чародей, не став отрицать подобной возможности.

– Так разрешите мне тогда самому устроить изолятор для моей сотрудницы, прошу вас! Я вас уверяю – в случае необходимости я самолично прикончу её, вытащу труп на улицу и сожгу. Договорились?!

– Мы не можем так рисковать...

– Договорились?! – более грозным голосом осведомился Мизинец, дав своим дамам знак поднимать оружие, что те не преминули сделать, изготовившись к бою.

Конечно, атаковать чародея и двух его спутников было крайне опасно даже с численным перевесом, но хотя бы одного или двоих Вдовы забрать успеют, прежде чем с ними со всеми станет покончено.

– Эти дамы не просто мои подчинённые! – продолжал вещать тем временем владелец борделя, который уже успел вооружиться своей шипастой палицей. – Они – моя семья! И за любую

из них я оторву голову любому обидчику! А посему решать вам – либо вы соглашаетесь с нашими условиями, либо сейчас прольётся наша с вами кровь!

– Ладно, – вздохнула клювастая маска. – Показывайте ваш подвал, где вы собираетесь держать девушку...

В итоге через полчаса чумные доктора покинули бордель, удовлетворённые тем, что Мятку поместили в добровольный карантин, заперев девушку в погребе, однако уходить трое мужчин не торопились, начиная обсуждать свои дела прямо под окнами Смачных Прелестей тихими голосами, чем сильно нервировали оставшихся внутри Вдов и их начальника.

– Специально там торчат! – хмыкнула Санса. – Давят нас морально!

Словно в подтверждение её слов все трое докторов тотчас исподтишка посмотрели назад в сторону борделя, после чего продолжили свои перешёптывания.

– Почему ты не позволил им убить Мятку? – задала вопрос одна из Вдов, обращаясь к Мизинцу. – А ну как сейчас эти чародеи передумают и сожгут наше заведение дотла, когда им сейчас ничего не угрожает?

Все посмотрели на владельца борделя, потому как всем без исключения присутствующим был интересен ответ мужчины.

– Всё очень просто! – пояснил тот, зубами откупорив пробку с початой бутылки вина. – Я не хочу рисковать вами понапрасну. Это раз! Кроме того, лучше сотрудничать с властями, нежели им перечить, потому как им хватит сил спалить весь район, но они этого не делают, стараясь спасти хоть кого-то. Это два!

– А ещё ты хотел узнать, кто из присутствующих может быть заразен, верно? – спросила Сдоба.

– Это третья причина, – не стал отрицать Мизинец. – Согласитесь, что теперь, когда общий осмотр завершён, вы чувствуете себя увереннее, чем до него, верно?

Ответом ему послужило всеобщее молчание, но даже этого хватило, чтобы понять – трактирщик попал не в бровь, а в глаз. Естественно, что каждый из присутствующих вздохнул с облегчением, когда ему объявили о том, что он не несёт на себе печатей чумы, а посему не опасен для общества. Вот только сами доктора не упомянули о том, что это далеко не последний осмотр, ибо возможно скрытое течение болезни, либо кто-то из дам мог быть заражён, но ещё не успел начать чахнуть. Да и заразиться было проще простого, ведь Вдовы и их начальник всё же не отказались от затеи выбраться на вылазку за провизией, коей в заведении оставалось не так уж и много.

– Хватит прохлаждаться, дамы! – позвал всех от стойки Мизинец. – Вам были даны указания, так и выполняйте их!

– Как нам выходить наружу, когда там эти трое уродов в масках стоят? – осведомилась у начальника Санса.

– Дуйте через запасной выход! – отвечал мужчина.

– А если мы уйдём, но эти трое решат вернуться? Кто тогда станет защищать бордель?!

– Что-нибудь придумаю! – буркнул Мизинец, после чего осушил бутылку одним махом. – Марш на улицы за провизией!

Что поделать – возникать и перечить ни у кого желания не появилось, а посему ударный отряд, состоявший из пяти дам и Белогривки, выдвинулся в служебные помещения здания, чтобы затем выбраться с тыла, где у двери дежурила ещё одна вооружённая коротким мечом и арбалетом куртизанка.

– Действуем так! – заговорила полноватая проститутка по прозвищу Сдоба. – Двигаемся боевой шестёркой...

– Это как?! – шёпотом спросила у матери Белогривка, на что та отмахнулась от дочери, велев ей молчать.

– Потом объясню! – коротко бросила ей в ответ Санса. – Слушай Матушку.

– Кого?! – удивилась Нэтали, поскольку Сдоба была немногим старше её самой, и годилась девушке в сёстры, но никак не в матери.

– Так у нас называют старшую на задании! – быстро пояснила женщина. – Помолчи немного, родная!

– А это тут у нас кто?! – нахмурилась Сдоба, только сейчас обратившая внимание на новое лицо в их отряде. – Откуда?

– Это моя дочь, Нэтали, – со вздохом ответила её мать. – Она пойдёт с нами, и это не обсуждается!

– Ладно! – кивнула Матушка, легко соглашаясь с подобным пополнением. – Лишние руки для переноски жратвы нам не помешают, в том случае, если не удастся разжиться подводой. Отвечаешь за девчонку сама, Санса! Работаешь с ней в паре, идёте сзади! Я буду с Нэн, мы впереди, Моана с Налией по центру. Все надевайте на лица платки, на руки перчатки, прямо сейчас!

Естественно, что делалось это не для того, чтобы скрыть свои личности, ведь банда сейчас собиралась идти на грабёж, но чтобы защитить себя от возможной заразы, которой, как уже успели узнать из коротких тревожных бесед, в трущобах было больше всего. Белогривку едва ли не колотил озноб, но она не чувствовала жара, а это была лишь тревога волнения, ибо сейчас ей предстояло выйти на полные хаоса улицы, где не исключались кровопролитные бои. Однако теперь Нэтали была не одинока, а принята в состав одной из самых свирепых банд Дыры. Одеваясь, девушка быстро осмотрела своих новых товаров, каждая из которых была весьма и весьма колоритной личностью.

Сдоба была молода, обладала приятной полнотой, и вооружена обычным плотницким топором, каких в любой кузнице навалом. Нэн или Нэнси оказалась полуэльфкой, о чём ясно говорили её слегка заострённые уши, бледноватый оттенок кожи и специфической формы разрез глаз. Девушка эта была одной из всех, кто вооружился двуручным предметом, коим оказалось самое настоящее копье, которое она умело держала в руках. Помимо него за спиной полукровки обнаружился приличных размеров чехол, в котором покоились дротики, длиной чуть более метра, которые полагалось метать, и, судя по всему, управлялась с ними Вдова отлично, раз у неё была специально изготовленная торба для этих снарядов.

Следующая пара – Моана и Налия оказались самыми настоящими сёстрами от одной матери, но разных отцов, отчего оттенки кожи их значительно отличались друг от друга. Первая девушка была цвета молочного шоколада, в то время как вторая несколько отдавала краснотой, что было вполне необычно для здешних краёв. Возможно, что отцом её был кто-то из путешественников, приехавших сюда... Однако когда Налия высунула свой язык, чтобы облизнуть пересохшие губы, то стало видно, что он тонкий и раздвоен на конце, как у змеи, а зубы её странно заострены и часть из них удлинена. Перехватив изумлённый взор Белогривки, девушка усмехнулась.

– Моим папашей был могущественный демон по словам моей вечно пьяной матери, – охотно пояснила Налия. – И от него я унаследовала не только зубы и язык, но и яд! Не такой сильный, правда, как у змей или скорпионов, но его хватает, чтобы жертва моего укуса свалилась без чувств на довольно продолжительный срок. Пока я не раскрываю рта – легко могу сойти за обычную девушку. Хорошо хоть, что всё остальное мне от матери досталось, а не от демона, иначе гореть мне давно на костре Инквизиции!

С этими словами она натянула на нижнюю половину лица свой платок, в то время как Белогривка заинтригованно посмотрела на её сестру.

– Я человек, если тебе интересно об этом узнать, – улыбнулась та, прежде чем скрыла и своё лицо. – Мой папанька ничем примечательным меня не одарил, как сестрёнку, но я всё равно люблю её, змеюку подколотную!

– Ты мне просто завидуешь!

– Вот ещё! – усмехнулась Моана. – Как же!

Вооружены сёстры были обычными короткими мечами, но при этом обе имели небольшой набор метательных ножей, которые... Тут Белогривка не поверила своим глазам, ибо Налия взяла каждый клинок в руки и тщательно вылизала лезвие с обеих сторон своим языком, чем изрядно смутила Нэтали.

– Сестрёнка наносит на клинки яд, дорогая! – пояснила новенькой спутнице привычная к подобному действию Моана.

– Вот поэтому я никогда не беру в рот у этих грязных мужланов! – усмехнулась полукровка, подмигнув Белогривке. – А ты?

– Э-э-э, – смутилась девушка, не желая принимать участия в подобной пошлой беседе, поскольку ещё не привыкла к тому, как себя расковано вели все здешние дамы.

– Хорош уже смущать новенькую! – кашлянула Сдоба. – Что, все готовы?! На выход! Отворяй калитку, Лана!

Девица-сторож кивнула, выпуская товарок наружу, и вот боевая шестёрка уже покинула кров борделя, который спешно был превращён в небольшую крепость. Свет больно резанул по глазам привыкшей к полумраку Белогривки, по ушам ударил людской гомон и неизвестные стуки, отчего девушка на время замерла, но мама тотчас потянула опешившую дочь в сторону, потащив её за собой.

– Не зевай! – прикрикнула Санса на Нэт, подталкивая её вперёд и предлагая занять своё место. – Иди вперёд, я буду замыкать шествие!

Мимо Вдов пробежало несколько орущих от ужаса человек, поскольку неподалёку в воздух поднимался большой столб дыма – это горело какое-то строение неподалёку, а посему причина паники была ясна, как божий день. Дыра состояла в большинстве своём из кособоких грубых деревянных домишек и лачуг, а посему огонь по району мог распространяться с ужасающей скоростью, однако это не пугало бандиток, ибо их база-бордель стояла от всех построек несколько особняком. Во-первых, никто не желал селиться рядом с весёлым домом, чтобы не выслушивать ежедневно громкие стоны совокуплявшихся пар, а также разухабистые песни надравшихся гостей. Во-вторых же, все справедливо опасались строить свои лачуги рядом с небольшим, но грозным кланом разбойниц, да и сами Вдовы резко возражали против подобного соседства, прекращая подобные самострои на корню самыми решительными и кровавыми методами, дабы не загоразживать своего заведения бедняцкими хижинами. В том, что пламя бушевавшего неподалёку пожара может перекинуться на Смачные прелести можно было не переживать, а посему бандитки даже не стали задерживаться, чтобы посмотреть на горевшее строение, вокруг которого суетились обыватели.

– Кто это сделал, мама? – спросила Нэт, потянув Сансу за край плаща.

– Не знаю, милая! – пожала плечами та. – Возможно, это были чумные доктора, которые сожгли очаг заразы, или давние недруги, решившие воспользоваться общей паникой и суматохой, чтобы расквитаться со своими врагами. Как знать!

– Разговорчики! – прикрикнула спереди Сдоба. – Следите за тылами, а не языками чешите!

– Да, Матушка! – кивнула ей Санса, хотя начальница видеть её не могла.

Белогривке было бы смешно, что её мать называет подобным прозвищем девушку, которая годилась ей в дочери, однако ей было не до веселья, поскольку вокруг творилось чёрти что. Жизнь в Дыре и так была тяжела и полна опасностей в виде возможных грабежей, насилия, воровства, болезней и иных неприятностей, однако сейчас трущобы пылали не только от пожаров, но и от захлестнувшей всех с головой паники. Вот на дороге сидит рыдающий паренёк, который баюкает на своих коленях мёртвую женщину, голова которой разбита в кровь – вероятно, жертвы нападения или чрезмерной спешки. В ближайшей подворотне слышатся вопли, а когда Белогривка туда мельком заглядывает, то видит, что там грабят какую-то семью лица

разбойной наружности. Бандиты, пользуясь своей безнаказанностью, обеспеченной им их преимуществом в виде численности и оружия, вышвыривали наружу из дома не только его обывателей, но и все их пожитки, сразу же проводя осмотр вещей, с тем чтобы забрать себе все ценности.

При виде их Вдовы не проронили ни слова, хотя у Белогривки было множество вопросов и гневных речей, однако она сама понимала, что будет глупо выглядеть, если сейчас предложит своим товаркам остановиться и вмешаться в процесс грабежа. Во-первых, убеждать бандиток в том, что грабить – это плохо, было всё равно что волку рассказывать о пользе и плюсах вегетарианства. Во-вторых, останавливаться и сражаться ради каждой мелочи и правда было глупо, ведь тогда у отряда не только кончатся копья, ножи и стрелы, но и сами участницы похода. Да и в-третьих, чего уж там греха таить, Белогривка понимала, что и она сейчас отправляется на дело, чтобы грабить и отнимать провизию силой, а посему ей предстояло как можно скорее вжиться в роль мародёрки. Молодой и неопытной, однако обязательно наглой и напористой, иначе сожрут с потрохами.

До маячившей неподалёку городской стены добрались довольно быстро, поскольку на пути девушек оказалось довольно пусто – вероятно местные жители либо сейчас тряслись от страха по своим домам, либо уже разбежались кто куда. Оглянувшись, Белогривка нахмурилась – позади уже курились два столба чёрного дыма, хотя всего лишь пару минут назад он был один. Возможно, огню удалось перекинуться с горевшего здания на соседнее, либо кто-то устроил новый поджог.

– Как бы наш бордель не сожгли, пока мы тут гуляем! – буркнула обернувшаяся назад Санса, которая словно прочитала мысли своей дочери, озвучив её опасения.

– Не сожгут! – хмуро ответила Сдоба. – Мизинец в это дело всю свою душу и жизнь вложил – он не позволит! Будет зубами глотки рвать, но никого с факелами к зданию не подпустит!

– А если его магией подорвут? – спросила Моана, прокрутив в ладони меч.

– Тогда будем искать новое пристанище! – хмуро ответила Матушка. – Приготовились! Приближаемся к месту!

И правда, когда отряд вынырнул из очередного переулочка, взору Вдов предстало печальное зрелище – амбар, на который возлагались большие надежды, уже был оккупирован. Возле него сновало множество крепких парней, чьи тела были покрыты не только кожаной бронёй, но и различными татуировками, среди которых преобладали топоры в различных ипостасях. Лица всех молодчиков были закрыты платками, и у каждого при себе обнаружилось солидное оружие. Пятёрка охранников, стоявших по краям от ворот, была вооружена самострелами, зорко наблюдая за подступами к амбару, в то время как их товарищи руководили грузчиками, спешно складывающими на телеги мешки, кули и корзины с зерном. А торопиться и правда следовало, ибо Топоры, кои грабили амбар, справедливо опасались того, что на них могут напасть. Кто? Пф-ф-ф, да в возникшем хаосе это могли оказаться кто угодно, даже простолюдины, вооружённые ножами, вилами и кайлом, поскольку паника могла толкнуть отчаявшихся людей и не на такое. В обычной жизни никто бы не посмел в открытую противостоять самой крупной преступной группировке, и даже Тени, коих было меньше, но сейчас правила менялись на ходу, поскольку эпидемия всё перевернула с ног на голову. Вокруг амбара собралась небольшая толпа из недовольных местных жителей, которые пока негромко роптали, глядя на откровенный грабёж и разбой, но открыто возмущаться не торопились, ибо бандитов было много, а вооружены они были не в пример лучше. Кроме того, пятёрка арбалетов серьёзно заставляла задуматься любых возможных конкурентов, как и вид метательных топориков, которыми были снабжены почти все бандиты.

– Почти два десятка! – с сожалением вздохнула Сдоба, закончив подсчёты. – Размажут по стенам, как пить дать!

– С ума сошла?! – ужаснулась Нэнси. – Грабить Топоров?! Да мы же и так под ними ходим и им подчиняемся, пусть и косвенно!

– И что с того?! – посмотрела на свою товарку Матушка. – Будь их не больше нашего, могли бы рискнуть, да угнали бы телегу-другую, прикончив всех из-за угла. Кто бы потом на нас донёс? Да всем наплевать, если бандиты друг друга резать будут, никто стучать не побежит! А начальство... Ну и что – начальство?! Мы что – хуже их? Мы тоже жрать хотим, и заботимся о себе, как нам...

В этот момент от амбара раздались гневные вопли, потому как там один из грузчиков, оступился и упал, выронив свою ношу, отчего большой мешок треснул, порвавшись, и из него на землю брызнули драгоценным водопадом желтоватые зёрна, отчего народ, наблюдавший за грабежом со стороны, заволновался. Вероятно, зрители решили, что Топоры не станут заморачиваться с браком, оставив его на земле, но они просчитались, потому как надсмотрщики пинками заставили беднягу собирать зерно, насыпая его ладонями в пустую корзину.

– Вы долго ещё там?! – спросил один из крепышей, стоявший у первой телеги, которая уже была заполнена и сдвинута в сторону, дабы не мешать второй с погрузкой.

– Да тут один лупиздень немного подгузнил! – гундосо объявил второй бандит, начиная смешно жестикулировать руками и сопеть перебитой свёрнутой набок сопаткой. – Ещё минута-другая, и можно трогаться!

– А что там внутри?! Все мешки выгребли?!

– Все! – кивнул от склада один из стрелков, не преминув перед этим заглянуть в помещение.

Эти слова вызвали заметное оживление и понятное недовольство среди наблюдавших за сим действием горожан, которым не хотелось оставаться в смутные времена без хлеба за столом, и людское море, толпившееся немного поодаль, начало заметно волноваться. На это обратили внимание не только Вдовы, но и сами Топоры, поскольку начальник велел бросать рассыпанное зерно и трогаться в путь, тем самым несколько поуспокоив зевак, которые уже поняли, что и им сейчас достанется немного крох с барского стола. Пусть и немного, всего одна или две горсти зерна, но это всё же лучше, чем ничего!

Таким образом бандитам удалось сбросить со счетов хотя бы одних соперников, однако Сдоба не думала сдаваться так быстро.

– Предлагаю напасть на бандитов в пути, и постараться отбить у них одну телегу и угнать её к нам! Как вам идея?!

– Бред! – выдала Нэнси.

– Невозможно! – шмыгнула носом Моана.

– Самоубийство чистой воды! – согласилась с ней Санса, в то время как её дочь ограничилась лишь одним кивком.

– Ладно, – вздохнула Сдоба. – Сама всё прекрасно и без вас понимаю! Уходим!

В итоге Вдовы отправились в одну сторону, Топоры в другую, в то время как обезумевшие горожане бросились к амбару, желая сгрести с земли побольше зерна про запас и навесаться в закрома, в которых, возможно, что-то и осталось по мелочи, на что бандиты попросту не обратили внимания. Сразу же завязалась драка, ибо каждый норовил урвать себе долю пообъемнее, а посему в ход быстро пошли не только кулаки, камни и дубины, но даже и парочка ножей, отчего вскоре у пустого амбара образовалось несколько трупов и луж крови.

Всего этого потрясённая Белогривка уже не видела, ибо не собиралась оборачиваться назад на тревожные крики, а посему наблюдение за тылами осталось полностью на совести её матери. Куда идёт отряд теперь девушка знать не могла, но догадывалась, что они продвигаются к следующей точке, коей оказалась бакалея некоего Моисея. Однако когда Вдовы приблизились к ней, то стало понятно, что и тут они опоздали – небольшой магазинчик был изначально заколочен владельцем, который, вероятно, уже сбежал отсюда или оборонялся внутри

до последнего, ибо баррикады оказались разрушены, дверь выбита, а на земле обнаружилось несколько тел. Опасаясь приближаться к мертвецам, Сдоба всё же обогнула место схватки, не преминув заглянуть вовнутрь магазина.

– И тут неудача! – вздохнула она. – Пусто! Либо старый лис сбежал накануне со своими товарами, либо его лавку разграбили совсем недавно. Ты что делаешь?

Этот вопрос адресовался Нэнси, которая своим копьем поддела тело одного из мертвецов, желая перевернуть его с живота на спину.

– Хочу увидеть его лицо! – пояснила бандитка. – Узнать, Моисей это или нет.

Однако труп принадлежал неизвестному мужчине, а среди прочих погибших владельца лавки точно не было, так как прочие мертвецы лежали лицами кверху, и опознать их труда не составило.

– Ладно, уходим! – вздохнула Сдоба, переступая через труп неизвестного мужчины, в животе которого обнаружилось несколько колотых ран.

Однако не успела она убрать ногу, как покойник захрипел, отчего бандитка сразу же вскрикнула от испуга, не преминув наградить недобитка ударом каблука по лицу. Попадание оказалось отменным, сопровождалось хрустом сломанных костей носа, однако мужчину это не остановило, и он не потерял сознания. Хуже того, что и все прочие якобы жертвы открыли свои глаза, и Санса тотчас закричала.

– Тревога! Это ловушка!

С этими словами она ткнула одного из неизвестных мечом под рёбра, но тот даже и не подумал умирать. Другой псевдомёртвец также словил наконечник копья в свою шею, но даже он не упал обратно на землю, продолжая подниматься с неё.

– Что за...

– Это зомби! – взвизгнула Моана, поскольку труп рядом с ней не мог жить по определению, потому как у него полностью отсутствовал скальп, часть черепа и мозга.

Однако нападать нежить на девушек не стала, хотя те уже готовились к самому худшему, ибо вместо этого у всех упырей одновременно открылись рты и они захрипели одинаково страшными голосами, говоря в унисон.

– Жители правобережного Белокамня! Не пугайтесь! С вами говорят маги, мертвецы безвредны, и всего лишь передают сообщение. Перестаньте метаться по районам, перестаньте убивать и калечить друг друга. Мы видим, что происходит повсюду, и сообщаем вам – для вас собирают обоз из провизии, воды и предметов первой необходимости! Уже сегодня вечером на закате солнца телеги и кареты с едой и припасами переправят к вам в ваши районы на главные площади, где будет производиться безвозмездная раздача. Еды и воды хватит на всех! Перестаньте убивать друг друга и драться за еду! Не препятствуйте работе докторов и стражи! Не укрывайте заражённых и подозрительных лиц у себя в домах. Опасайтесь всех лиц, которые выглядят больными и ведут себя соответствующе. Помните, что только работая вместе, мы сможем одолеть эпидемию!

Как только сообщение оказалось передано, все трупы замертво рухнули обратно на землю, и слышавшие их граждане лишь сглотнули от страха. Да, тут можно было не только вздохнуть, но и запросто обделаться, упасть в обморок или сойти с ума! Не каждый день покойники так непринуждённо садятся на свои задницы и вещают могильными голосами! Какую же силу некромантии нужно было к ним приложить, если воскресло не пятёрка покойных, а все многочисленные трупы в трёх огромных районах – Дыре, у Ремесленников и Нелюдей? Хотя, по правде сказать, Белогривка сильно сомневалась, что за пределами их трущоб стоит такая же паника, хаос и неразбериха. Оглянувшись назад, девушка со вздохом отметила, что теперь над районом уже клубятся три чёрных столба дыма от неизвестных пожарищ, и это было при-
с-корбно. Как знать, может, услышав это сообщение, переданное магами с той стороны реки, люди остановятся и одумаются? И все эти грабежи и насилие прекратятся?!

– Так, дамы! – откинула чёлку с лица Сдоба. – Двигаем дальше!

– А как же помощь и провизия с того берега? – спросила у неё Нэтали. – Вы же слышали этих... этих существ!

– Не в этой жизни! – хмыкнула Матушка. – Не в этой жизни! Кроме того, не факт, что на делёжке дармовой провизии не случится какой-нибудь бойни, когда те же Топоры или кто-то ещё вздумают напасть на конвой, чтобы забрать все продукты себе. Да и провизии может мало соберут, что на всех не хватит. Или это первая и последняя подачка, а жить в условиях осады придётся месяц или два! Так что хватит витать в облаках, строить несбыточные иллюзии и мечтать о подарках – ноги в руки и бегом к ферме Доджо!

Возражать никто не решился, а посему вскоре Вдовы уже приближались к небольшому агрокомплексу, который был единственной фермой, расположенной в трущобах. Принадлежало всё это великолепие безумному старику Доджо, который жил со своей большой семьёй в огороженном частоколом комплексе зданий, которые служили деревенщине и амбаром, и хлевом, и домом, и много чем ещё. Разводили тут преимущественно неприхотливых курей и лоснящихся поросей, поскольку ухаживать за ними было проще всего, скармливая им различные помои, коих в трущобах хватало. Не раз и не два семейство Доджо пытались под себя поднять Тени и Топоры, но каждый раз попадали впросак, ибо старик был не настолько беспомощен, каким казался изначально – мало того, что с ним проживало несколько крепких сыновей (хотя поговаривали, что это на самом деле его правнуки, ибо долгожитель уже пережил большую часть городского населения), не боявшихся взяться за оружие, так ещё и сам старый проказник был по слухам самым настоящим ликантропом. За долгие годы жизни он якобы уже научился контролировать свою болезнь, а посему менял свой облик тогда, когда сам этого хотел, а не когда на него накатывали обычные приступы, связанные с лунным циклом. Доджо был оригинальным во всём, даже в своём проклятии, ибо превращался в огромного гуманоидного вепря, при этом не теряя своих ладоней, что позволяло оборотню брать в свои руки огромную двуручную секиру и вырезать врагов пачками, скармливая потом их требуху своим зверюшкам в загонах. Однако правдивость этих слухов была под большим вопросом, ибо видели этого огромного хряка крайне мало народу, да и тем нельзя было верить в силу их приверженности культу зелёного змия или чёрного лотоса. Многие же попросту считали, что в одном из загон у Доджо обитает монстрообразный вепрь, которого старик выпускал на возможных нарушителей, ибо иногда всё же чудилище выдвигали во дворе, но при этом сам старик был неподалёку отнюдь не в животном облике.

Естественно, что Тени или Топоры давно уже могли уничтожить огромного человека-свина или его боевого поросё, пустив в ход серебряное оружие или атакуя нахрапом, благо таковое для крупных преступных группировок проблемой не было, но боялись преступники иного. По заверениям самого старика Доджо, а также по рассказам некоторых редких очевидцев, оборотней или боевых свиней на ферме было несколько. Сам старик на эти слухи и рассказы загадочно ухмылялся, и всегда говорил, что в случае его смерти и гибели его семьи всегда будет кому отомстить, ибо он не единственный проклятый в своём роду, и о его смерти быстро узнают те, кому следует. Поскольку иногда оборотней выдвигали двух (и оба были могучими вепрями), то угроза была нешуточной, и познать на себе гнева ликантропа никому не хотелось, и Тени с Топорами отступились от семейства фермеров, потому как в ней вообще каждый мог оказаться перевёртышем, и что тогда прикажете делать?! Может, его товарищ и вовсе проживает вне общины, бывая у Доджо набегами, заглядывая в гости, и посему, если вырезать всех подряд, то второго оборотня уничтожить не удастся? А может, никаких оборотней и в помине не было, зато имелись гигантские хряки-осеменители, коими и пугали всех обывателей?! Да и по заверениям Мизинца, большая часть семьи уже третий день подряд отсутствовала в городе, вероятно прознав об эпидемии раньше прочих или просто по благополучному стечению обстоятельств. Однако даже одного возможного оборотня хватало, чтобы

нагнать жути на любого смельчака, решившего сунуться во двор семейства Доджо без приглашения. Поэтому страх Вдов перед фермой был вполне понятен и обоснован. Белогривка, ещё не знавшая о том, откуда берётся большая часть свинины и курятины в Дыре, до сих пор пребывала в блаженном неведении, а посему не понимала всей серьёзности и опасности предстоящей операции. Почему это вдруг смелые и грозные доселе бандитки так быстро побледнели лицами, когда приблизились к огороженному комплексу? Что её больше всего поразило, так это отсутствие всеобъемлющей паники и хаоса вокруг фермы, коих в прочих районах Дыры было вдосталь, как и различных трупов. Тут же стояла благоговейная тишина, которая сведущим Вдовам казалась могильной. Слышавшиеся вдали вопли страдавших горожан, близкое хрюканье поросят практически не нарушали идиллии, поскольку первые были приглушены расстоянием, а вторые настраивали на мирный лад, ибо довольный сытый свин будет хрюкать, а не визжать, как ополоумевшая баба. Сам старейшина Доджо обнаружился в загонях, занимаясь как раз тем, что кормил своих питомцев какой-то баландой, которую он выливал из ведра им в корыто, на что все питомцы отзывались жизнерадостным хрюканьем.

Белогривке подумалось, что прочие дамы волнуются зря, ибо что может быть страшного в ограблении седого старца, который уже был скрючен и побит жизнью, став похожим на небольшую горбатую запятую? Однако Вдовы не спешили врываться в казалось бы гостеприимно приоткрытые ворота, возле которых обнаружился всего лишь один простоватого вида парень, который при себе даже не имел оружия. Больше во дворе никого из людей не обнаружилось, как и поблизости, а посему момент для нападения в целом был идеален, но Вдовы продолжали топтаться на месте, не решаясь атаковать.

– Так что там Мизинец приготовил для Доджо? – спросила у своих подруг Санса. – Серебро? Мифрил?

– Это ещё зачем?! – удивилась Нэтали. – Мы что, собираемся драться с оборотнем?!

– А ты разве не знала, что Доджо именно таков?! – удивилась Сдоба.

Округлившись от страха глаза Белогривки и побледневшая кожа ответили всем бандиткам не хуже рта, нижняя челюсть которого неприлично отвисла вниз.

– Всё с тобой ясно! – вздохнула Матушка. – В бою нам не помощник, значит! Не переживайте, дамы – мы его одолеем! У меня есть кое-что, что нам поможет!

– Я думаю, что Мизинец не в своём уме, раз направил нас на эту ферму! – нахмурилась Санса. – Мало нам эпидемии в городе, так ещё и с оборотнем драться?! Не слишком ли этого чересчур?! Может, попробуем попытать счастья в ремесленном квартале или ограбим иной кабак у нас в Дыре?

– Погоди, я...

– Па, у нас гости! – крикнул дежуривший у ворот паренёк, который и не подумал закрывать прохода.

Когда Вдовы поняли, что их присутствие больше не является тайной для фермера, то Сдоба выступила вперёд, выходя из тени, велев прочим сидеть в укрытии. Старику Доджо понадобилась почти целая минута, чтобы прихромать к воротам и выглянуть наружу, глядя на подходящую к нему парламентёршу. По мере приближения девушки, старик начал меняться, принимая свой облик проклятого, с треском порвав на себе немногочисленную одежду, быстро увеличиваясь в размерах и обрастая белой седой щетиной, обернувшись огромным прямоходящим хряком-великаном с обломанным клыком и испещрённой шрамами мордой. О том, что перед ними всё тот же фермер говорила татуировка дракона на его груди, которая осталась практически неизменной, однако теперь практически полностью скрытая щетиной.

– Чего надобно, бандюга?! – хрюкающим сочным басом осведомился ликантроп у смелой разбойницы, правильно расценив её экипировку, нависая над Сдобой подобно неумолимой скале. – Я уже говорил всем и не один раз – своё хозяйство я никому и никогда не отдам, и дани платить не собираюсь!

Высотой гуманоидный вебрь был почти вдвое выше девушки, и при этом нетерпеливо стучал копытом задней лапы по земле, в то время как передние конечности у него были вполне себе похожи на человеческие ладони, кои он сжал в кулаки, размеры которых наводили на всех людей грусть и уныние с желанием поскорее развернуться и дать с фермы дёру.

– У меня есть то, что ты так давно искал, – загадочно ответила Сдоба, которая не подавала виду, что боится оборотня, хотя голос её заметно осип от волнения.

– И что же это?! – усмехнулся Доджо.

– Так сложилось, что это...

Тут девушка перешла на шёпот, отчего Нэтали не расслышала слов Сдобы, как и все прочие, которые так же пребывали в полнейшем неведении относительно того, чем же Мизинец вооружил своих подопечных, ибо знала об этом только одна Матушка, беседовавшая с оборотнем. На удивление, Доджо нахмурился – брови сошлись на морде вебря в некое подобие домика, и он коротко хрюкнул, обдумывая услышанное.

– И что же вы хотите за эту услугу? – осведомился полиморф. – Выходите, дамы, я вас чую! Хватит прятаться в подворотне, подобно вора!

– Выходите! – крикнула товаркам и Сдоба, делая приглашающий жест рукой.

– Похоже, драка отменяется! – усмехнулась довольная Нэнси, которая стала убирать обратно в заплечную торбу свой метательный дротик.

– И хорошо! – вздохнула Моана. – Ты на этого кабана посмотри! Да он же больше всех нас!

Однако рано радовались девушки, ибо едва только оборотень отвлёкся от Матушки, как та выхватила из ножен один из своих кинжалов, тускло блеснувших на солнце серебром, а потом ткнула им твари прямо под его могучие рёбра, отчего Доджо издал громкий визг, полный боли. В следующее мгновение Сдоба, не успевшая отпрыгнуть прочь, уже получает копытом в бок, с воплем падая на землю, а к оборотню с криками бегут прочие Вдовы, которым не остаётся ничего иного, как принимать бой, ибо момент был сейчас как нельзя подходящий – раненый серебряным оружием полиморф оказался ошеломлён, и не сможет воспользоваться своей стремительной регенерацией, а посему у бандиток и правда появился шанс его одолеть. Вот только к чему был нужен весь этот цирк?! Почему нельзя сразу было сказать, что Доджо будут убивать? К чему все эти ложные надежды на мирные переговоры? Или это было сделано специально, чтобы волнующиеся Вдовы не выдали себя с головой? Либо Сдоба просто обманула полиморфа, выходя с ним на контакт, чтобы гарантировано нанести ему решающую рану? Так или иначе, но теперь уже раздумывать было поздно, нужно было спасать Матушку, которой, наверняка, могучим пинком переломали все рёбра.

Озверевший вебрь хотел было добить стонавшую на земле Вдову, однако в него тотчас полетели метательные ножи, дротик и даже арбалетная стрела, однако половина всех снарядов угодила мимо цели. Самое главное, что метательное копьё полуэльфки попало точно в грудь дежурившего у ворот паренька, отчего тот замертво свалился наземь, не успев закрыть створки. Если бы двери успели закрыть и заложить засов, то Вдовам пришлось бы туго, поскольку в этом случае обитатели фермы могли успеть подготовиться к отражению атаки. Однако прежде чем врываться и грабить комплекс, предстояло ещё разделаться с самим Доджо, который пусть и был ранен, но всё ещё представлял смертельную опасность. Оборотень взревел, когда в него попали два метательных ножа, отравленные ядовитой слюной Налии, а посему полиморфу пришлось быстро выдирать из тела и плеча эти лезвия, когда он ощутил, что и с этим оружием что-то не так. Оно не было серебряным, но тоже странно жгло и щипало его раны, а посему вебрь быстро вырвал их из себя и бросился прочь, уходя от новых снарядов, не горя желанием сражаться с бандитками на открытой местности, где у кровожадных баб было преимущество из-за метательного и стрелкового оружия.

С рёвом и хрюканьем Доджо влетел в ворота фермы, отчего Вдовы заволновались – если сейчас тварь запрётся внутри, то можно считать бой если не проигранным, то закончившийся ничьей. Посему девушки с боевыми кличами бросились вдогонку, намереваясь помешать твари закрыть проход, однако фермер хотел отнюдь не этого, ибо когда разбойницы влетели во двор, то обнаружили там Доджо, вооружённого двуручной секирой, у которой были обоюдоострые лезвия на каждом конце древка. Вепрь не дал нарушительницам опомниться и перегруппироваться, сразу же бросаясь в бой, намереваясь зарубить большую часть дам, пока те кучковались возле приоткрытых ворот. Оружие оборотня с ужасающим грохотом вонзилось в деревянную створку, которая тотчас не преминула распахнуться, едва не задавив собой опирающуюся на стену раненую Сдобу. Никто не пострадал лишь по счастливой случайности, поскольку Сдоба ещё не дохромала до места битвы, а сёстрам Моане и Налии, которым предназначался удар, успели увернуться от этой атаки прыжком и подныривающим кувырком, продемонстрировав незаурядную сноровку. Грохнуло копыто по земле, в запоздавшей попытке раздавить откатившуюся прочь полукровку-демона, но оборотень не преуспел, в отличие от прыткой девушки, которая успела полоснуть лезвием своего ножа по массивной лапше полиморфа.

Пока вепрь разворачивался и тянул своё тяжёлое оружие на себя, Белогривка нажала на спуск, выпустив во врага вторую стрелу (ибо первая до этого позорно промазала, впившись в стену), которая воткнулась чудищу промеж его лопаток, но оборотень уже вошёл в боевой раж, получив несколько ранений, а посему попросту проигнорировал новое. Следующим делом он обменялся ударами с Сансой, у которой выбил из руки её короткий меч, улетевший серебристой рыбкой аж за стену фермы, что означало его потерю. Женщина вскрикнула, ибо этот удар был такой силы, что она, скорее всего, только что заработала себе вывих в обезоруженной руке, которая теперь жутко болела и изогнулась. Пролети секира всего на ладонь-другую выше, и сейчас за забор улетел бы не только меч, но и сжимающая его кисть, а посему можно было сказать, что Санса ещё легко отделалась. Второй же рукой женщина всадила свой нож вепрю под рёбра, но этот удар также не нанёс должного критического эффекта, а посему Вдове пришлось отпрыгивать прочь, уходя от удара клыками, когда Доджо решил боднуть наглую бандитку, поддев её в воздух. Нэн кинула своё последнее метательное копьё, которое тварь успела поймать на лету, намереваясь швырнуть обратно, однако подскочившая сзади Моана почти по самую рукоятку воткнула короткий меч твари в круп, отчего Доджо заревел раненым кашалотом, но умирать до сих пор не думал. Не успела ещё Моана отпрыгнуть назад, как тварь рубанула назад своей огромной секирой, и вот уже девушка валится наземь, разрубленная на две части под яростные вопли своей сестры. Удар был такой силы, что бедную разбойницу перерубило в районе поясницы надвое, но она умерла не сразу, а ещё несколько мгновений лежала на земле, с ужасом глядя на свою вторую половину, которую уже раздавили копыта вепря. С яростными воплями Нэн и Налия бросились в атаку, в то время как Санса крутилась вокруг, растеряв всё своё оружие – все метательные кинжалы уже улетели, как и меч, выбитый огромной секирой из её руки, а бросаться на Доджо с кулаками или запасным кастетом было смерти подобно. От ворот раздался свист, и вошедшая туда хромавшая Сдоба бросает товарке свой топор, который та ловко ловит на лету. Однако радость разбойницы преждевременна – не успевает её ладонь сомкнуться вокруг рукояти, как слышится вопль, свист рассекаемого воздуха, и вот уже секира отрубает женщине руку, которая тотчас шлёпается на землю вместе с новообретённым топором.

– Мама! – визжит Белогривка, когда видит, что Сансе только что отхватили руку по локоть. – Нет!

С этими словами девушка разряжает свой арбалет, выпустив из него последнюю стрелу, после чего бросает бесполезное оружие в тушу монстра, однако с подобным успехом можно было кидать в гидру камнем. Не понимая, что она творит, Нэтали, горевшая жаждой мести,

бросается в атаку, однако оборотень уже бежит вперёд, решив нагнать нахальную полуэльфку, которая уже заколебала его своим копьём, постоянно тыкая полиморфа его острием издали. Естественно, что Нэнси не жаждет погибнуть под копытами могучей твари, а посему бросается наутёк, но вскоре оказывается в тупике, будучи зажатой между стеной и летевшим во весь опор обезумевшим оборотнем. Понимая, что так долго продолжаться не может, девушка упирает наконечник своего копья в точку, где граничит стена и земля, выставив оружие вперёд на манер пики. Если Доджо и заметил этот манёвр, то не стал разворачиваться или останавливаться, со всего маху налетев на него грудью, начиная отчаянно хрипеть и оседать на древко вниз под тяжестью собственного тела. Вскрикнувшая от страха девушка пригибается, поскольку секира делает последний взмах, а терять головы раньше времени Нэн не хочет. Однако это не спасает девушку, ибо она оказывается прямоком под оседающей тушей Доджо, который тотчас бьёт лапищей по древку, ломая копьё пополам, а потом грузно падая прямоком на Нэнси. Подбежавшие Нэтали, Налия и хромавшая Сдоба начинают рубить, резать и колоть чёртову тварь мечами и подобранным топором, кромсая оборотня на куски. Лезвия вздымаются вверх раз за разом, кровь разлетается крупными брызгами во все стороны, оборотень хрипит, визжит и ревет, умирая от множества ран, но своё чёрное дело он всё же сделал. Когда туша поверженного вопреки начинает меняться обратно на тело сморщенного старика, порубленного на части в кровавый фарш (такой уже точно не встанет, даже если постарается самый мощный некромант), ибо последний удар топора развалил череп Доджо пополам. Однако Нэнси это уже не поможет и не спасёт, ибо девушка насмерть разодрана клыками и лапами чёртового оборотня, залитая собственной и чужой кровью с ног до головы.

– Нэн?! – присаживается рядом с девушкой Сдоба. – Нэн, ты жива?! А, чёрт! Погибла!

В это время Налия присаживается рядом с мёртвой разрубленной сестрой, а Белогривка тем временем глазами ищет свою мать. Санса безвольно лежит возле ворот в большой луже крови, остекленевшим взором глядя в небо. Рядом с её культёй обнаруживается тряпка, которую женщина пыталась перетянуть своё плечо, чтобы уменьшить кровотечение, но, видимо, не успела этого сделать, умерев от болевого шока или кровопотери.

– Мама! – бросается к женщине девушка. – Мама! Нет!!!

Пока убитые горем Нэтали и Налия баюкают своих умерших в бою близких, Сдоба выдирает из трупа Доджо свой топор, начиная хромать с ним в сторону ворот, намереваясь закрыть их, ибо если местные жители прознают про завершение боя и смерть оборотня, то стоит ожидать армии мародёров на ферму, желавших растащить поросят и курятину. Пока Матушка затаскивает труп молодого привратника вовнутрь, чтобы тот не маячил на виду у всех, Белогривка заливается громким плачем, в то время как Налия уже поднимается с колен.

– Нужно убить всех тех, кто может прятаться в доме! – с мрачной решимостью сказала девушка, стирая с лезвия своего кинжала кровь оборотня. – Эта тварь отняла у нас подруг и родных, и нужно ей отплатить тем же!

С этими словами она пинает труп изуродованного растерзанного старика, направляясь в сторону дома, чтобы привести свою угрозу в исполнение. Кивнувшая Сдоба закрывает ворота на тяжёлый засов, после чего перехватывает свой топор.

– Пошли!

Вдвоём девушки отправляются в сторону дома, движимые жаждой мести и здравым смыслом, ибо оставлять в тылу возможных врагов – смертельная ошибка.

– Не теряй головы, девочка! – остановилась возле Нэтали Матушка. – Мы все знали, на что идём! Ты можешь оставаться во дворе, но не сходи с ума, и помни, что на ферме могут быть ещё враги, которые тебя захотят прикончить. А посему подбери себе пару ножей, чтобы быть наготове.

Видя, что плачущая девушка не спешит следовать полезному совету, Налия насильно вкладывает ей в ладонь один из своих ножей, чтобы не оставлять Белогривку без оружия.

– Мы быстро! – кивает напоследок полукровка. – Если что – кричи!

Вскоре обе разбойницы скрываются в доме, но Нэтали нет никакого дела до того, что там внутри происходит. Криков нет – и то ладно! Через несколько минут озадаченные Вдовы возвращаются во двор, после чего направляются в сторону птичника, загонов для свиней и прочим служебным постройкам, однако всюду одно и то же.

– Пусто! – выдаёт Сдоба, когда осмотр подошёл к концу. – Никого нет, кроме живности!

И правда, утруждать себя закрытием загона бандитки не стали, а посему во двор высунулись любопытные порося, которые уже перестали трястись от страха, ибо страшный рёв давным давно прекратился. Поскольку Доджо в своё время кормил хряков мясом, те не стали брезговать им теперь, собираясь полукругом вокруг свежих трупов, обнюхивая их своими пятаками, начиная грызть и лизать их раны.

– Куда все подевались?! – удивилась Сдоба. – У Доджо была огромная семья! Куда они все запропастились?

– Какая теперь разница? – всхлипнула Белогривка, отгоняя от тела своей матери нахальных поросят, желавших полизать кровь.

– Большая! – ощерилась Наляя своими длинными клыками, и трепеща длинным раздвоенным языком подобно самой настоящей змее. – Я бы у каждого ублюдка в семье Доджо вырезала сердце или печень за свою сестрёнку! А ты разве нет?! Не хочешь отомстить за свою маму?!

– Ей это уже всё равно никак не поможет! – вздохнула Нэтали. – Пошла прочь!

С этими словами девушка отпихнула особо наглого борова в сторону, который вздумал оттеснить Белогривку от вкусного трупа прочь. Удар пришёлся свину прямо по уху, отчего тот гневно завизжал, а потом и всё стадо, окружившее Вдов и покойных, начало реветь и голосить на все лады, отчего девушкам даже пришлось заткнуть уши.

– Боги! – выдохнула Сдоба. – Как же тут много этих поросят!

– Надолго хватит! – усмехнулась Наляя. – На полгода точно! Вот только чем кормить всю эту прорву?! Сразу забить всё стадо нельзя – мясо испортится, засолить или закоптить – никаких сил и припасов не хватит!

– Я тебе больше скажу, – вздохнула Сдоба, прислоняясь к стене и щупая свои рёбра. – Мы даже половины всей живности у нас в борделе не разместим. Да что там размещать – мы их даже по трущобам доставить не сможем. Нас всего трое на ногах осталось, а ворья вокруг – пруд пруди! Не успеем оглянуться, как нам глотки вскроют, а поросят отберут! Вот такая вот у нас возникла проблема!

– И что же нам делать?! – спросила у Матушки нахмурившаяся Наляя, когда осознала весь размах трагедии. – Наружу с добычей нельзя – это верная смерть! Остаться тут...

– Тоже верная смерть! – хрюкнул один из боронов, отчего девушки в панике шарахнулись от крупного свина прочь. – Ну чего уставились?!

После этих слов порось стал расти как на дрожжах, и всё лишь для того, чтобы вымахать практически в точную копию умершего оборотня-Доджо, которого убили с полчаса назад. Но хуже было не это, а то, что полиморф оказался не один, ибо ещё трое или четверо свиней также стали меняться, принимая ужасающее боевое обличие!

– Вы убили нашего отца! – прохрюкало одно из массивных чудовищ, расправляясь во весь свой немалый рост. – Собираетесь ограбить нашу ферму! А посему вам даже идти никуда не придётся – вы умрёте прямо здесь!

Стоит ли говорить, что как только девушки поняли, что оказались в западне, то кровь отхлынула от их лиц, мурашки пробежались по телу, которое мгновенно покрылось липким потом. Это был конец, причём лютый и жестокий, ибо теперь детки павшего фермера церемониться с нарушительницами точно не станут! Всё же права была народная молва, которая говорила о том, что Доджо был не единственным проклятым в своей семье! Похоже, что тут

обосновался целый клан оборотней, про который было никому не ведомо, и останется неизвестным впредь!

Первой от шока очнулась Сдоба, которая на правах старшей решила оттянуть неизбежную резню, задав провокационный вопрос, желая дать шанс своим товаркам немного отступить назад, храбро прикрывая их собой.

– Мы убили Доджо, это так! – кивнула Матушка, перехватывая поудобнее свой боевой топор. – Но почему вы обнаружили себя только сейчас, когда он уже разрублен и порезан на части? Почему не помогли своему отцу, хотя он визжал и кричал от боли? Вы не могли его не услышать! Где же вы отсиживались всё это время?!

– Такова была воля нашего отца! – хрюкнуло чудовище, ударив по земле копытом, подымая столб пыли в воздух. – Он был стар, и желал смерти, но не мог умереть из-за болезней или от возраста, как это свойственно обычным смертным из-за ликантропии. А посему оставался единственный выход – смерть в бою, коей он так жаждал, и завещал нам не вмешиваться в его драки. И вот теперь он умер, как того давно алкал, но не спешите радоваться, черви! Ибо он был нашим отцом, и за его смерть вы ответите своими жизнями!

– Бегите! – крикнула отступавшим назад девушкам Сдоба, решившая прикрыть отход товаров, пусть даже и ценой собственной жизни.

Естественно, что она понимала, что, будучи раненой, она далеко убежать от резвых оборотней попросту не в состоянии, зато сможет задержать хоть нескольких из них на пару драгоценных мгновений, выигрывая лишние секунды для своих подруг, которым ещё могло повезти убежать из этого страшного места. Однако куда следовало бежать, если у ворот уже обнаружился новый полиморф, запиравший створки и вставший затем на стражу, чтобы лишить воронок возможности улизнуть.

– Но...

– Бежим! – схватила Наля ошарашенную Белогривку за руку, не дав ей договорить и потащив её в сторону дома, ибо сбежать через ограду и ворота сейчас было невозможно. – Скорее! Ну же!

Радостно захрюкавшие оборотни бросились вдогонку, влекомые охотничьим азартом и жадой мести, однако Сдоба выполнила свою задачу, рубанув одного из вепрей под копыто, отчего бросившийся на перехват свин с воем рухнул наземь. А потом другие враги туда же свалили и саму Матушку, начиная раздирать её на части своими клыками, копытами и прочими частями своих тел. Сразу трое полиморфов рвали в клочья бедную девушку, которая скончалась практически в мгновение ока, в то время как Наля и Белогривка смогли вбежать в дом фермеров-оборотней, сразу же закрывая и запирая за собой дверь на засов. В следующее мгновение в неё уже бьётся рослый вепрь, отчего преграда трещит, разлетаясь на части, обдавая ошарашенных девушек градом осколков и щепок, однако прикончить их монстру не суждено, ибо он сунулся в пролом вместе со своим товарищем, отчего обе туши застряли в проходе.

– Назад! – отдёргнула Налию от двери Белогривка, поскольку та хотела было броситься к чудищам, воспользовавшись моментом.

О чём думала полукровка, было непонятно, ибо своим коротким мечом она вряд ли могла серьёзно ранить оборотня, а вот пострадать самой от когтей твари – запросто. В итоге лезвие меча и когти оборотня встретились в воздухе рядом с порогом, звякнув друг о друга, а сама Наля едва не перекусила свой змеиный язык, когда её резко дёрнули за шкуру назад.

– Ты их всё равно не убьёшь! – образумила её криком Нэтали. – Бежим!

– Твари! – выругалась Вдова, плюнув небольшой струйкой яда в сторону барахтавшихся в дверном проёме оборотней.

Естественно, что оборотней подобная атака убить не могла, зато здорово замедлила, ибо едкая жидкость попала одному из вепрей на морду, отчего тот забился в проёме, мешая своему товарищу пробраться вовнутрь. В итоге преграда, в виде узкого дверного проёма, попросту

не выдержала, и косяк двери оказался разломан в щепу вслед за выбитой дверью, и обе туши агрессивных монстров ввалились в дом, однако девушки уже мчались по лестнице наверх, намереваясь скрыться с глаз оборотней как можно скорее. Белогривка хотела было покинуть обитель чудищ через окно, однако быстро передумала, ибо все они выходили во внутренний дворик, где были видны останки их погибших товарищей и спешившие за Вдовами прочие полиморфы. Один из них как раз вломился в прихожую через окно, с шумом и грохотом разнося собой вдребезги стекло и раму, рубанув своей лапой вблизи ног Нэтали.

Вскоре обе девушки оказываются на площадке второго этажа, куда с грохотом летят и огромных размеров полувепри, своими копытами разбивающими ступени в щепу. Только это тормозит массивных оборотней, поскольку лестница начинает страдальчески скрипеть и прогибаться под тяжестью их тел, и вскоре рушится, отчего все полиморфы с визгами летят обратно вниз, сочным грохотом и отборной бранью отмечая своё падение. Радоваться кратковременной заминке попросту некогда, ибо девушки во весь опор летят по короткому коридорчику второго этажа, заглядывая в каждую комнатуху, желая найти... Да чёрт его знает, на что рассчитывали две обречённые души во владениях жутких оборотней, откуда уже не чаяли выбраться живыми. Однако и сдаваться оказалось рано, ибо в одной из крохотных спаленок обнаружилось окно, вид из которого обрадовал Налию – оно выходило не в сторону двора, как на первом этаже, но наружу, за частокол фермы, и при должной сноровке беглянкам могла улыбнуться удача, и тогда бы они перепорхнули через забор. Главное при этом – удачно приземлиться.

– Ты первая! – безапелляционным тоном заявила Налия, подталкивая напарницу к окну. – Ну, живо! Прыгай с подоконника в том направлении, тогда больше шансов упасть на мусор – он смягчит твоё падение.

– Я боюсь! – тут же запаниковала Белогривка, которой доселе ни разу не доводилось сигать из окон вторых этажей.

– Давай, дура! – зашипела полукровка. – Иначе – смерть!

– Где вы, дамочки?! – раздался из коридора еле слышимый голосок кого-то из преследователей, и, судя по тому, что топота копыт слышно не было, оборотень переметнулся из своей животной формы в человеческую.

Мельком выглянувшая наружу Налия убедилась в правоте своей догадки, когда заметила, что там с тесаком в руке по коридору медленно шествует голый парень, заглядывающий во все спальни. За ним в отдалении маячили и остальные свинские родственнички, которые также были наги из-за своих трансформаций, но при этом вооружены разнообразными ножами, вилами и топорами. Не стоило обманываться простотой их оружия и отсутствием одежд с доспехами – твари в любой момент могли обратно принять обличия гуманоидных вепрей. Единственное, что их удерживало от подобного превращения в данный момент – воспоминание об обрушившейся лестнице, не выдержавшей массы нескольких хряков. Знаками показав напарнице, что дело худо, Налия состроила жуткую гримасу, сопроводив её пинком, которым выпроводила Белогривку в продолжительный полёт из окна наружу за стену фермы. Возможно, последнее было излишним, ибо получив сего ускорения Нэтали вскрикнула, зато смогла благополучно долететь до нужного места, сверзившись напрямик в мусорную кучу, разметаю её на части. Встрепенувшиеся оборотни загалдели, когда поняли, в каком направлении следует искать свою добычу, и топот босых ступней, стремительно приближавшихся к спальне, заставил Налию сигануть следом за Белогривкой. Уже в полёте разбойница заметила, что между домом и стеной беснуется один оборотень, который тотчас подпрыгнул, намереваясь схватить разбойницу своими лапищами, однако не преуспел, получив по своему крупному пятаку каблуком. Завизжав от боли, чудище моментально превратилось в обыкновенного обиженного свина, рухнувшего обратно наземь, однако жалеть его не было никакого желания. Коротко хэкнув, Вдова грохнулась на остатки мусорной кучи, едва не сбив свою товарку с ног.

Нэтали тотчас кинулась на помощь, поднимая Налию из грязи, в то время как в окно уже высунулись первые фермеры, размахивающие своим оружием.

– Стойте, сучки! – возвестил голый парень, сотрясая в воздухе своим тесаком, однако его быстро оттеснили в сторону, вероятно намереваясь освободить тем самым путь и прыгать следом.

Дождаться этого явно не следовало, а посему девушки, не сговариваясь, бросаются от фермы прочь, удирая в сторону родных трущоб. Однако погоня на этом не прекращается, ибо из окна уже вылетает первый деревенщина, прямо в воздухе меняющий своё обличие на грозного вепря, грузно приземляясь на тяжёлые копыта. Кроме того, с грохотом распахируются ворота комплекса, и из двора стрелой вылетают ещё несколько оборотней в своём боевом виде, с громким устрашающим хрюканьем устремляясь следом за беглянками. И та, и другая группы летят с ужасающей скоростью, ибо первых подгоняет страх, а вторых жажда мести, и странная погоня из трёх огромных вепрей и двух запыхавшихся девушек проносятся разрушительным ураганом по улочкам трущоб. Смотреть по сторонам попросту некогда, а посему следы разбоев, трупы, плачущие и кричащие люди смазываются в одно сплошное пятно, когда дамы на всех парах пролетают мимо них. Естественно, что оборотни не настолько тупы и одержимы жаждой крови, ибо им плевать на редких прохожих, шарахавшихся по сторонам, и они продолжают нестись следом за убийцами своего отца.

Однако долго эта погоня продолжаться не может, ибо вепри не выдыхаются так быстро, как это свойственно людям, а посему скорость запыхавшихся девушек постепенно снижается, и скоро уже им придётся либо принять бой, либо погибнуть под ударами копыт и клыков оборотней. Но на счастье беглянок, впереди маячит улица, именуемая в народе Иглою, ибо та пронизывает все трущобы насквозь одной прямой дорогой, по которой сейчас движутся какие-то телеги в сопровождении большого количества людей. Что это такое – обоз беженцев, стражи или разбойников – думать попросту некогда, а посему Налия и Белогривка вылетают из подворотни едва ли не под копыта впряжённым в телегу лошадям, которые тотчас начинают ржать, вставая на дыбы. Каким таким чудом девушкам не засветило копытом по голове или туловищу, они и сами не поняли, но останавливаться они и не собирались, рванув в следующую подворотню, пока за ними на улицу не выпрыгнули и оборотни. Разогнавшимся вепрям затормозить уже не удалось, а посему три тяжёлых туши также вылетели на дорогу, при этом сбив лошадей и перевернув одну из телег, которая, как оказалось, была нагружена под завязку хлебом, предназначенным для вручения голодавшим обывателям Дыры.

Появление чудищ обыватели и сопровождающая обоз стража встретила, как обычно. Первые завизжали и заматались из стороны в сторону, не зная, что им лучше делать – спасать свои шкуры или постараться схватить с грязной дороги раскатывающийся во все стороны хлеб, при этом умудрившись не столкнуться с оборотнями. Вторые же тотчас ошетились оружием, ибо восприняли сей налёт как спланированное нападение на обоз, ведь монстры не просто налетели на телегу, но стали разбрасывать по сторонам лошадей и стражников, которые решили атаковать монстров. Будь вепри не так разъярены своей неудачей и множеством укулов лезвий со стороны, то бросили бы обоз и продолжили свою погоню, но теперь они рассвирепели, позабыв про беглянок, которых уже и след простыл, включаясь в новое сражение. Вот бахнул волшебный снаряд, когда сопровождавший процессию военчар применил жезл, отчего один из свинов с жалобным визгом отправляется в полёт, при этом вспыхнув, пожираемый магическим огнём. Однако не долго пришлось радоваться страже первой победе, ибо второй оборотень уже напрыгнул на карету чародея, попросту раскатав её своей тушей в один огромный блин, размазав волшебника по земле, а потом поддев его останки клыками и запустив их в воздух.

Пока стража разбиралась с полиморфами, особо предприимчивые граждане приступили к грабежу обоза, хватая вожака еду прямоком с земли и даже с телег. Пользуясь сум-

тохой и неразберихой, некие криминальные личности быстро прирезали возницу головной повозки, спихнув его труп с сиденья, угоняя впряжённую двойку вместе с телегой, к которой тут же пристало несколько оголодавших озлобленных граждан. Пришлось разбойникам с непрошенными воришками уже разбираться прямо на ходу, но всего этого Налия и Нэтали уже не видели – они без сил ухнули на землю в трёх кварталах от места побоища, тяжело дыша и прислушиваясь к звукам далёкой битвы, которая продолжала греметь позади. В этом звуковом хаосе явственно прослеживались визжаще-хрюкающие звуки вепрей, приглушённые воплями обывателей, звоном оружия, да парочкой новых взрывов. Одно радовало – путь назад оставался чист, и, следовательно, оборотни всё-таки оказались втянуты в побоище, отчего девушкам полагался либо небольшой перерыв, либо полная победа в погоне за собственными жизнями.

Единственное, чего Налия и Белогривка не знали, так это того, что подобное разбойное нападение на обоз с провизией для нуждающихся правительство расценит как акт агрессии, а посему больше никаких поставок продовольствия в осаждённые районы отправлено не будет. Хуже того, именно после этого случая произойдёт то, что лишь усугубит и без того плачевную ситуацию...

Глава 3

Большие чёрные бронированные кареты без окон и с металлической дверью ехали строем. Всего их было порядка дюжины, и везли их не лошади-тяжеловесы, как бывало обычно, но большие каменные големы, которых было хоть и жалко отправлять на ту сторону реки, но этих перевозчиков не коснётся чума, как стало с теми бедными животными и несколькими возницами, которые вернулись обратно с обозами. И если лошади не болели, хоть и были покрыты чужой заразной кровью, то вот в вернувшихся людях, несмотря на все меры предосторожности, некроманты обнаружили признаки зарождавшейся болезни в их организмах. Несчастных тотчас спешили и велели пешком возвращаться в зону карантина, несмотря на все увещевания и мольбы.

И вот теперь, чтобы не рисковать больше жизнями перевозчиков и стражников, экипажи отправились особые, утяжелённые, наглухо задраенные, и влекомые за собой большими големами, один лишь вид которых мог отпугнуть любых разбойников из трущоб. После того, как обоз пересёк реку через один из мостов, он начал разделяться на части, разъезжаясь по разным районам правобережного Белокамня. Три кареты направились в сторону кварталов нелюдей, ещё три – в Ремесленный район, а все остальные – в необъятную Дыру, и обыватели со страхом наблюдали за этими экипажами, от которых можно было ожидать чего угодно. Возможно, они снова везли гуманитарную помощь людям? Или там перевозили кого-то или что-то, способное помочь в борьбе с эпидемией? Например, тех же самых чумных докторов, которые уже несколько дней подряд усердно обследовали все здания на правом берегу реки, выискивая всех заражённых и стараясь сжигать рассадники чумы? Говорят, что за те несколько суток, что врачи практиковали свои людоедские методики по искоренению заразы, жители не оставались в долгу, и прирезали с десятков особо наглых и кровожадных эскулапов, спасая жизни своих заражённых родных или собственные прокажённые шкуры. Стоит ли говорить, что подобное отношение к государственным служащим правительством было расценено крайне неблагоприятно?

И вот теперь со страхом наблюдали за странной процессией те счастливики, коим удалось пережить первые пару дней от начала объявленного карантина, не умерев при этом в панике и неразберихе первых суток, когда все метались по районам правобережного Белокамня, норовя покинуть закрытый город, а также сумерки первой ночи и последующий день, полный грабежей и разбоев, когда все начали запасаться провизией, насильно изымая её друг у дружки. Смотрели на сии бронированные кареты, разъезжавшиеся по различным уголкам Дыры и кварталов нелюдей и ремесленников, по-разному. Кто-то с недоумением, кто-то с интересом, кто-то с тупым безразличием или паникой, но определённо во взоре каждого разумного существа, видевших эти экипажи, мелькал страх. Многие, очень многие задавались вопросом, что же такое удумало правительство на этот раз, ибо даже самый последний идиот понимал то, что эти кареты с големами могли прибыть только с той стороны реки. Большинство обывателей торопливо освобождали дорогу, спеша укрыться в тени собственных или чужих жилищ, либо шмыгая в ответвления подворотен, куда голем не мог протиснуться при всём своём желании. Вернее, он мог это сделать, попросту снося окружающие постройки, но, похоже, что каменные истуканы были настроены мирно. По крайней мере – пока. Одного любопытного или спятившего нищего, решившего было попросить милостыню или о чём-то осведомиться у хозяев экипажа, голем не долго раздумывая пнул, когда тот приблизился на критическое расстояние, отчего отчаянно вопящий инвалид (после подобного удара вряд ли у него не будет переломов!) отправился в затяжной полёт, перелетев через крышу низкого одноэтажного здания, плюхнувшись где-то за ним на грязную землю. Больше никто не посмел прерывать пути сих экипажей,

а потому, когда они достигли точек назначения, то големы замерли на местах, остановив свои кареты.

– Какого чёрта он встал прямо перед нашим борделем?! – выглянул сквозь щёлку в окне насторожившийся Мизинец. – Засранец! Бери свою телегу, и шуруй отсюда, чёртова камнюга!

– Может, внутри находится чумной врач или кто-то ещё? – предположила Белогривка, которая вернулась вместе с Налией обратно в заведение вчерашним вечером.

– Может быть! – пожал плечами мужчина. – Всем быть наготове!

– Да что мы можем сделать против голема, Мизинец?! – спросила одна из Вдов. – Наши мечи и стрелы ему никакого вреда не принесут, зато он может растоптать нашу постройку за несколько минут, если ему отдадут подобную команду его хозяева.

– А хозяева, наверняка, внутри карет, – заключил сводник. – Иначе зачем пустые кареты отправлять в...

В этот момент все големы, находившиеся в разных районах и в их разных уголках, открыли свои рты, издав громогласные вопли.

– Выносите своих мертвецов! – ревели каменные изваяния, застывшие возле карет. – Выносите своих мертвецов! Приносите трупы чумных и умерших к каретам! За это вы получите дневные пайки на несколько человек, а тела ваших родных будут преданы огню в специально отведённых для этого местах, чтобы предотвратить распространение эпидемии. Выносите своих мертвецов!

Потом сообщение начало повторяться, и, судя по тому, какими лужёными глотками и мощными басами обладали големы, их не услышали только сами мертвецы, которых просили выносить на улицы и тащить к каретам в обмен на паёк. Услышавшие это объявление Вдовы переглянулись, и кто-то деликатно кашлянул.

– У нас тут в амбаре тройка воришек прикопана. Может, это, откапав их и оттащим голему, пускай он нам еды взамен выдаст?

И правда, пользуясь суматохой на бордель вчерашним вечером напала банда Кривых Ножей, решившая разграбить кабак, забрав из него всю провизию и выпивку, либо покутив напоследок с обитавшими там дамочками, однако оказались разгромлены, потому как Вдовы были мастерицами не только в части раздвигания своих прелестных ножек, но и по части владения мечами и арбалетами. Когда Нэтали с Налией возвращались обратно, Вдовы уже заканчивали оказывать любезный приём зарвавшимся гостям, увлакивая их трупы с улицы, чтобы иметь возможность спокойно их обшарить во дворе на предмет полезных трофеев, потому как на улице было неспокойно. Теперь же с закопанных Кривых Ножей можно было даже получить неплохие дивиденды, ну, если, конечно, этот громила-голем не врёт.

– Подождём пока, – остановил своих девушек Мизинец. – Может, это ловушка?

– Смотрите! – указала наружу Асма, которую все за её грацию и прозвали Кошкой. – Кто-то приближается к голему!

И правда, на улице показались двое мужчин, которые под руки тащили третьего к карете, и когда поравнялись с ней, то стала понятна и причина смерти несчастного, ибо вся его рубаша на спине была в крови, которая ещё продолжала капать из раны на землю. Похоже, что бедолагу попросту только что прирезали в тихом переулке, и теперь хотели поиметь с этого прибыль, сначала ограбив его, а затем перепродавая его труп голему. Приближение местной черни каменный истукан перенёс также бесстрастно, как и недавний пинок нищего попрошайки, наблюдая за тем, как двое немых явно криминальных существ кладут покойника под колёса тяжёлой телеги.

– Вот вам мертвец, милсдарь! – объявил один из грузчиков, подобострастно глядя в глаза магическому стражу. – Что там с обещанной едой?!

Ни слова не говоря, голем кивает, после чего ногой пододвигает к себе поближе покойника, а потом открывает один из сундуков, закреплённых на крыше тяжёлой кареты, откуда извлекает увесистый свёрток, швыряя его в руки обрадовавшимся убийцам, которые только что от безысходности убили собственного товарища, решив разменять его жизнь на пищу. А что делать, если жрать хочется, магазины не работают, поскольку в Дыре их отродясь не бывало, а те мелкие лавчонки, что существовали тут ранее, уже все разграблены подчистую? Только грабить. Пакет лопаётся в руках разбойника, и из него наружу тотчас начинают сыпаться разнообразные продукты, которые у затаившихся наблюдателей вызывают вполне понятный интерес. Помимо раскатившихся во все стороны апельсинов и манго там обнаруживается увесистый каравай, небольших размеров окорок и бурдюк с чем-то жидким. Всё это разбойники с радостным воодушевлением быстро сгребают с пыльной разбитой дороги, после чего спешат прочь, пока на продукты не налетели другие бандиты и завистники. Интересно, если сейчас возле телеги вспыхнет драка из-за этой пищи, то как на неё отреагирует голем – так же безучастно? Или порадует, если число трупов возле его ног возрастет? Выдаст ли он в этом случае новые порции еды или нет?

– Откапывайте трупы! – дал отмашку своим девушкам Мизинец, который уже увидел, что на покойниках и правда можно нагреться. – Только не отрубите им чего лопатами, а то вдруг травмированные трупы голем не принимает!

К несчастью, Белогривку также отрядили в копатели, поскольку после нескольких неудачных вылазок за продуктами бордель лишился половины своих бандиток. Не только отряду Сансы и Сдобы не повезло, ибо в прочих местах, куда мужчина отправлял своих подопечных, также вспыхивали драки и случались нападения. Вернувшуюся Этель изнасиловали в подворотне, отряду Асмы удалось разграбить сыроварню в ремесленном квартале, однако при этом она потеряла двух подруг, а на третью девушку наплевал заразный нищий, отчего бедняжку тотчас изгнали из банды. По пути следования на Асму и её отряд большой толпой напали орки, и посему пришлось бросить добычу, дабы спастись самим. В итоге от телеги с сыром удалось унести всего лишь несколько кругов, остальное отдав на растерзание свинорылым, потому как сражаться с нелюдьми, которые превосходили Вдов и числом, и оружием с доспехами, было не с руки.

И вот теперь Белогривка с Асмой и Налией спешно откапывали трупы убитых воров, чтобы успеть обменять их тела на продукты, пока голем не вздумал тронуться в путь, ибо долго находиться на одном месте он, скорее всего, не будет, начиная планомерно обходить территорию, чтобы собрать как можно больше мертвецов. А их и правда следовало как можно скорее начинать утилизировать, ибо жара южного города делала своё, и по улицам уже распространялись смрадные нотки гниения и разложения, благо трупов на улицах уже было много, как чумных, так и вполне обычных. Непонятно было, правда, найдутся ли такие смельчаки, кто захочет тащить на закорках тела заразных покойников, чтобы тем самым заработать себе на хлеб, но а вдруг... В итоге, когда отдувавшиеся от усталости девушки извлекли из импровизированной братской могилы три тела, они уже запыхались, но отдыхать было некогда.

– Давайте поскорее! – окликнул их из окна Мизинец. – Кажется, что-то происходит! Голем убирает сундук с места – или еда заканчивается, или он собирается переезжать с этого места на другое!

– Вот если ты такой умный, то поди и помоги нам! – окрысилась Налия, чей тонкий раздвоенный язык гневно затрепетал между губ – ни дать, ни взять – настоящая змея!

Однако не начальственное это дело – возиться с грязью, а посему девушкам самостоятельно пришлось перетаскивать тела к воротам, откуда их потом хотели вынести на улицу к карете. Однако сделать этого было не суждено, ибо вернувшаяся с разведки Вдова по прозвищу Сорока, за свою страсть к драгоценностям и сплетням, велела обождать.

– Тихо! – выдохнула бандитка, стараясь отдышаться. – Фух! Дайте мне пару мгновений, чтобы прийти в себя!

– Ну ты пока отдышись, а мы, тем временем, вытащим трупы на продажу! – кивнула в сторону стоянки Асма. – А то голем, кажись, собирается уезжать!

– Нет! – категорично мотнула головой Сорока. – Слушайте! Я была снаружи, когда кареты въезжали в Дыру. Всего их было шесть, и они начали разделяться на площади Обрезков, разъезжаясь кто куда. Но ни в этом суть, понимаете?!

– А в чём? – нахмурился Мизинец, который порой рычал от многословности своих подчинённых.

Ну что за вечная женская привычка крутить хвостом и водить за нос, удлиняя повествование ненужными деталями?! Переходи сразу к сути, будь лаконичной, к чему эти километры текстов и ведра ненужной лапши на уши?

– Всё дело в том, что чувствует моё сердце, что это подстава, – пояснила охотно Сорока. – По пути своего следования големы проехали целые россыпи трупов и покойников, но не подняли ни одного, в том числе чумного, а теперь вдруг возжелали их покупать?! Это ли не странности? Но дальше – больше! Проследила я тут за одними такими «продавцами», которые притащили к карете мёртвую женщину. Каюсь, хотела их ограбить ровно до тех пор, пока тех от подаренной пищи не потянуло блевать. Сначала я подумала, что это всё с ними от жадности приключилось – мол, оголодали, бедняги, и вот теперь подавились возжеленными фруктами и мясом. Я даже обрадовалась поначалу, думала, что обворовать их теперь станет ещё проще, а тут у бедолаг не только рвота, но и кровь ртом и носом пошла. Отравили их, как пить дать! Та еда, что големы предлагают – с ядом! Я в этом больше чем уверена!

– С ядом?! – ужаснулась Белогривка, в очередной раз поражаясь подлости и коварству городских обывателей и властей. – Но как так?!

– А вот так! – пожала плечами Сорока. – Властям не нужны нищие из трущоб, и чем больше их помрёт в наступившем хаосе – тем лучше!

– Если что-то решать, то делать это нужно сейчас! – сказал Мизинец, поглядывающий наружу. – Голем возиться с каретой и трупами, и, кажется, собирается уезжать! Решаем вместе – тащим трупы наружу в обмен на продукты, или остаёмся внутри?!

Он обвёл своим взором подчинённых, которые притихли, не желая рисковать после рассказа разведчицы. Ни одна из девушек не высказалась за обмен, а посему все повернулись к приоткрытому в воротах окошку, желая узнать, что же будет происходить потом. На улице же показались ещё двое продавцов, которые сами толкали небольшую телегу, в которой везли несколько заражённых трупов с язвами на теле, спеша к экипажу, где голем уже убрал опустевший сундук, и теперь возился с дверцей кареты.

– Вероятно, сейчас он отопрёт её и наружу выйдет чумной доктор или некромант, а потом они эту груду мертвецов уничтожат или... Воскресят?! – с ужасом от собственной догадки похолодела Белогривка, прильнув к окошку.

– Эй, громила! – окликнул голема один из возниц. – Ты трупы ещё принимаешь или как?!

Вместо ответа обернувшийся голем указал людям на кучу покойников, велел тем самым сгружать мертвецов туда, а сам продолжил возиться с дверцей.

– Ну, как скажешь! – усмехнулся оборванец, после чего с товарищем наклонили борт телеги, чтобы покойники скатились на землю самостоятельно.

Окоченевшие тела со следами гниения и разложения с глухим стуком рухнули под ноги каменному великану, а тот уже отворил дверцу, поворачиваясь к людям.

– Ну так что там на счёт еды? – повторил свой вопрос предприимчивый бедняк. – Кто там в карете?

Однако внутри большой кабины не оказалось никого живого, зато из неё наружу стали выползать клубы непонятного газа или тумана, который явно не был едой, да и вообще мог оказаться опасным.

– Что за херня?! – нахмурился один из торговцев мертвечиной. – Где наши продукты, мерзавец?!

Однако голем оставался безучастным, глядя в никуда, зато вот люди уже поняли, что что-то тут не чисто, а посему поспешили подхватить ручки своей тележки, намереваясь покинуть улицу, пока не стало слишком поздно.

– Ты чего встал, Филлер? – спросил у товарища рябой парнишка. – Айда ходу!

– Меня что-то держит за ногу! – выругался тот, кого называли Филлером. – Что за... Твою мать! Мертвецы!

И правда, вся та куча покойников, которых уже набралось не менее трёх дюжин, неожиданно вздрогнула, когда до неё добрались языки мистического тумана, расплзавшегося из открытой кареты, и тела посыпались на землю, съезжая друг с друга. Бросив взгляд вниз, Филлер обнаружил, что вокруг его лодыжки обвилась рука одного из покойников – того самого, что он только что привёз на продажу! Хуже всего было то, что это была родная мать горожанина, а посему представьте себе его смятение, когда он обнаружил, что его держит умершая престарелая родственница, которая уже начала к этому времени подгнивать. Взвизгнув от ужаса, Филлер ударил по одутловатой гниющей ряхе заразной покойницы свободной ногой, однако нежить не чувствовала боли, а посему хватки своей не ослабила, вместо этого дёрнув родного сына за лодыжку. С воплем мужчина рухнул, переворачивая телегу, а в следующее мгновение уже голосил от боли, потому как мертвячка впилась своими гнилыми зубами ему в голень, с урчанием вгрызаясь в плоть.

– Помогите мне! – орал Филлер, извиваясь на земле под нежитью. – Вытащите меня из-под неё! Ну же, скорее!

Однако патлатый паренёк не спешил бросаться на выручку товарищу, ибо взгляд его расширенных глаз был прикован к куче мертвецов, которые уже начали подниматься на ноги, спеша к месту схватки. Понимая, что у него попросту нет времени для помощи, юноша бросился прочь по переулку, преследуемый не только проклятиями Филлера, но и десятком плетущихся зомби и плывшими клубами тумана. Сам же Филлер постоянно лупил свою мать по лицу, но та не прекращала своей жуткой трапезы. Спихнуть с себя нежить бедняк не мог, поскольку та вцепилась в упавшего человека клещом, хватаясь за его одежды, руку и прочие выступающие части тела, намереваясь добраться до горла, которое, вероятно, у нежити считалось за деликатес. Хуже всего было то, что заражённая мертвячка не только укусила своего сына, но ещё и умудрилась заляпать его своим гноем, лишая каких бы то ни было шансов на выживание, ведь даже если ему удастся спастись сейчас, убежав от мертвецов, то от болезни Филлер никуда деться не сможет. Однако судьбе-злодейке этого показалось мало, ибо к месту схватки уже подоспели прочие зомби, начавшие опускаться на колени, желая присоединиться к трапезе, помогая матери разорвать её отчаянно сопротивлявшегося сына. Вот Филлеру удалось извернуться ужом под нежитью, выудив из-за голенища своего высокого ботинка короткий нож, который он тотчас вонзает матери в ухо, однако остановило ли это зомби или нет, наблюдателям узнать не суждено, ибо место схватки оказывается скрыто расплзающимися клубами тумана, что заставляет Вдов и Мизинца начинать шевелиться, отпрянув от окошка.

– Скорее, все внутрь борделя! – распоряжается мужчина. – Но сначала...

С этими словами он забирает у Белогривки её лопату, после чего быстрым движением вонзает её в шею покойного вора, лежавшего на земле – того самого, которого бандиты только что хотели продать голему за еду. Одним ударом перерубить шейные позвонки оказывается проблематично, а посему удар следует за ударом, и, наконец, голова мертвеца с глухим стуком отлетает прочь. Наля и Асма уже сообразили, что к чему, а посему пустили свои мечи в ход,

чтобы обезглавить и других мертвецов, однако устроенный людьми шум уже привлёк к себе внимание нежити, которая уже успела расправиться с беднягой Филлером, и теперь послышались звуки первых ударов по стене ограды и двери в ней, отчего все вздрогнули от страха, оглянувшись в сторону штурмуемых мертвяками ворот. Засов и сама стена с напором пока справлялись неплохо, и разрушаться не спешили, однако не стоило обманываться кажущейся безопасностью, ибо если к ним присоединится голем, то всего лишь одного удара его могучего кулака будет достаточно, чтобы пробить приличных размеров брешь в стене.

А вот, кстати, слышится и тяжёлая поступь каменного великана вместе со скрипом колёс тяжёлой кареты, что лишь усиливает панику Вдов и Мизинца, которые решили, что им пришёл конец, и стоит спешно покидать бордель. Кроме того, первые клубы тумана уже плывут над стеной, медленно заполняя собой двор, отчего мужчина велит всем срочно бежать из здания, однако сделать этого не даёт окрик дежурной арбалетчицы из окна второго этажа.

– Стойте! – кричит она товаркам и начальнику. – Я вижу макушку голема – он уходит отсюда прочь!

И правда, поступь гиганта стала значительно тише, поскольку он перемещается дальше вниз по улице, со скрипом толкая перед собой бронированную карету, которая продолжает изрыгать из себя клубы магического тумана. Поскольку теперь остаются одни лишь мертвецы, то Мизинец резко передумывает убежать, ибо если сейчас оставить свою базу с полными закромами алкоголя, то потом назад её можно уже никогда и не отвоевать, либо забрать себе в разгромленном и разграбленном виде. Посему теперь он быстро командует своим подопечным забегать вовнутрь борделя, с тем чтобы закрыться внутри, и обезопасить себя от быстро распространяющейся по двору и улицам мглы.

Не успели ещё Вдовы и бармен вернуться обратно в общую обеденную залу, как там раздался грохот – двум мертвецам удалось выбить одни ставни, и теперь нежить лезла через подоконник вовнутрь, желая добраться до обнаруженных внутри живых людей. Звонко ухнула арбалетная тетива, и вот уже снаряд угодил одному из мертвяков прямо под ключицу, но его подобная мелочь не смутила, и даже ни на мгновение не замедлила. Пользуясь тем, что нежить ещё только вставала с колен, подскочивший Мизинец от души огрел своей палицей одного покойника по затылку, повалив его обратно на пол, после чего принялся с упоением охаживать его своим оружием, отдавая явное предпочтение шее и голове. Вдовам же пришлось брать на себя второго мертвеца, которому прилетело под рёбра лезвие короткого меча, и мертвяк оказался нанизан на оружие подобно жертве энтомолога, прищипливающего очередную букашку к тканевой подкладке своей коробки для экспонатов. Однако град ударов приносил мало результатов, ибо то что мертво, умереть уже не может, а посему оба покойника раз за разом пытались вырваться и атаковать людей. Вот в разбитом оконном проёме показалась ещё одна мертвячка, и ею оказалась мамаша Филлера, о чём можно было судить по её окровавленной пасти и оплывшей гноем ряхе, а также по торчавшему из уха ножу, по лезвию которого до сих пор вниз капала жидкость непонятного, но очень гнусного и мерзкого цвета и такой же отвратительной консистенции. Она положила свои загребушие ладони на края оконного проёма, однако Вдовам и Белогривке к тому моменту уже удалось совладать с мертвяком, которого они пытались одолеть вдвоём, а посему его смогли скрутить и бросили в сторону окна. Этот импровизированный снаряд сбил заражённую мертвячку с ног, и пока оба мертвеца поднимались с земли, девушки с визгами и криками подтащили к окну стол, намереваясь им закрыть разбитый проём. Не успели ещё Вдовы привалить баррикаду к дыре, как по краям сунулись новые жадные грабки нежити, не дававшие прислонить стол плотнее, чтобы начать его прибивать к стене. Белогривка тотчас кольнула одну такую руку ножом, но эффекта это никакого не принесло – мертвец продолжал слепо шарить ею в воздухе, намереваясь схватить кого-либо наугад.

– Не так! – закричала со своей стороны Асма, изготовив меч. – Смотри, как надо!

С этими словами она схватила руку зомби, быстро прижав её к стене, после чего от души рубанула по ней своим оружием. Один раз, второй, третий – и вот перерубленная конечность падает на пол, а культа тотчас исчезает в окне, и пыхтящей Сороке с Налией удаётся прислонить стол к стене в освобождённом месте. Однако Белогривка сего манёвра повторить не в состоянии, ибо у неё нет меча, только кинжал, но девушке уже пихнула в руки своё оружие полукровка, и та начала наносить неумелые удары по рукам мертвецов. Получалось у неё это не так ловко, как у опытных бандиток, да и силёнок у неё было однозначно поменьше, но, к счастью девушек, уже освободился Мизинец, который откуда-то успел уже вытащить топор, которым теперь замахивался для удара.

– Посторонись! – с этим криком он потеснил в сторону Нэтали, от души рубанув сначала по одной руке, потом и по второй. – Заделывай, быстро!

С громким стуком стол удалось прислонить к разбитому окну, и тотчас послышался стук молотков, потому как прыгавшая вокруг подруг Асма догадалась подтащить к месту схватки молоток и гвозди. Сам бармен перехватил тяжёлый стол, помогая его удерживать у окна, поскольку в преграду уже начали ломиться другие мертвецы, взамен убитых и покалеченных.

– Поберегись! – крикнули откуда-то сверху, и из окна второго этажа выбросили тяжёлую тумбочку, которая как нельзя кстати попала в самую кучу покойников, проломив череп одному, и повалив прочих.

Воспользовавшись неожиданно свалившимся (в буквальном и фигуральном смыслах) перерывом во взломе баррикады, девушкам и Мизинцу удалось заколотить пострадавшее окно, укрепив его на совесть, и когда атака на него возобновилась, то преграда уже была восстановлена и достойно сдерживала натиск. Однако отдышаться работникам борделя было не суждено, ибо теперь грохот раздался откуда-то со стороны служебных помещений, а следом за ним и отчаянный женский вопль сторожившей его охранницы – вероятно, кому-то из нежити удалось выбить дверь, и теперь мертвецы лезут в заведение через задний вход.

– Останьтесь здесь! – указал на помещение Асме и Сороке Мизинец. – Белоголовая, Наля – за мной!

Делать было нечего – приходилось подчиняться, чтобы хотя бы создавать видимость своей полезности, а посему Белогривка поспешила за хозяином борделя, готовясь к неминуемому бою. Быстро миновав тёмную кухню и арсенал, маленький отряд добрался до задней двери, которая была раскрыта настежь, и первые клубы тумана уже врывались в помещение. Самой охранницы, как и нежити, нигде видно не было, но за порогом слышалось задорное рычание, непристойные хлопанья, а к порогу медленно растекалась красная лужа, состав которой был всем известен. Сделав знак дамам оставаться позади, Мизинец медленно переступил порог, выходя наружу, чтобы осведомиться об обстановке и судьбе своей сотрудницы, но вскоре уже вернулся обратно, скорбно качая головой. Стараясь не шуметь, он тихонько затворил дверь заднего хода, обнаружив, что запор на нём сломан. Поскольку делать было больше нечего, он аккуратно подоткнул под ручку двери взятую из поленицы большую деревяшку, создав тем самым упор, после чего шёпотом пояснил.

– Цветочек мертва, её загрызли эти твари, утащив в туман! Засов сломан, а посему нужно укрепить эту дверь как можно скорее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.